

ДИАКОН
АНДРЕЙ
КУРАЕВ

ЖЕНЩИНА
В
ЦЕРКВИ

БЕСЕДЫ С БОГОСЛОВОМ

Книга "Женщина в церкви" — это прежде всего ответы на насущные вопросы. Отец Андрей помогает отличить ответы, которые дает Церковь, от ответов, слишком похожих на домыслы. В первом случае он интересно и порой весьма необычно объясняет, почему церковь на чем-то настаивает, а от чего-то предостерегает. Во втором случае — автор сдерживает церковных и нецерковных людей от взаимных претензий друг к другу. Итак, почему же в православии нет женского священства? Изменился ли статус женщины в Церкви в третьем тысячелетии?

— Отец Андрей, почему Церковь так несправедлива к женщине? Ей нельзя быть священником, ей нужно постоянно носить платок, бояться мужа и т.д. Почему она занимает такое подчиненное положение?

— Давайте сразу уясним: я ведь тоже не священник. Так что мои ответы не стоит воспринимать как попытку человека, дорвавшегося до кусочка власти, не допустить кого-то другого до этого же кусочка. Я говорю о том, чего нет и у меня. Я сам отношусь к той части человечества, которая не совершает церковных таинств, то есть к той части, к которой принадлежат и все женщины.

А лозунги о несправедливости рождаются как: сначала человеку внушают, что у него есть права, о существовании которых он и не подозревал, а потом заявляют, что этих прав ты лишен. Жил себе человек спокойно без всякого DVD, а ему вдруг говорят, что каждый порядочный человек имеет DVD, и лишь тебя этот коммунистический (вариант: “воровской”) режим совершенно несправедливо лишил права на пользование DVD. И вот человек, который доселе даже не знал, что это такое, начинает смысл своей жизни видеть в борьбе за обладание DVD.

Так же и здесь: жила себе девушка и никогда и не помышляла о том, чтобы стать священницей. По правде говоря, она и в храм-то не заходила... Но тут ей говорят: “Да ты знаешь, как тебя православные унизили! Они не разрешают тебе стать священником!” — и все, одним озлобленным нервным клубком, борющимся за свои “права”, в мире стало больше...

А ведь сущность человека совсем не сводится к борьбе за свои права. Человек вообще осуществляет себя не тогда, когда реализует свои права, а когда он исполняет свой долг. Помимо того, что у человека есть права, в его жизни имеет место еще и служение.

Так вот священник — это священно-служитель. Это не человек, который обладает правами священника; напротив, он несет послушание священника, служит.

Священник — это тот, кто несет тяжелый крест служения людям и служения Богу. И этот тяжкий крест, этот тяжкий труд Церковь не возлагает на плечи женщины. По-моему, тут не столько ущемление прав, сколько простая забота о женщинах.

— Человек живет в мире символов. И в этом его отличие от животных, для которых каждый предмет просто равен самому себе (точнее — сиюминутной реакции животного на этот предмет), а потому и не является ни знаком, ни символом.

А те символы, в окружении которых (и чрез посредство которых) живет человек, бывают разные. Это могут быть образы (иконы) литературные и живописные, музыкальные и сценические. Так вот, священник — это литургическая икона Христа. Алтарь — это комната Тайной Вечери. Литургия есть Тайная Вечеря. На этой Вечере Христос Сам раздавал Свои Кровь и Плоть. Он сказал: взял Чашу и сказал: пейте, это кровь Моя. А не Дева Мария взяла Чашу и сказала: пейте, это кровь Моего Сына. Мы причащаемся крови Христа, которую дал Он Сам, именно поэтому священник должен быть литургической иконой Христа. А не Марии. Поэтому священнический архетип (первообраз) — мужской, а не женский.

Кроме того, на Литургии нам дают Дары. Мы их принимаем. Вообще спасение христианин не зарабатывает, а просто приемлет. Принимать — это служение женское. Давать, дарить — служение мужское. Так что священство есть выражение именно мужского архетипа.

А мышление протестантов не-иконично, не символично. И поэтому в их системе женское священство вполне логично. И я против женского священства протестантов ничего не возражаю. Более того, все те служения, которые несет пастор протестантов, может нести и православная женщина. Подумайте сами, какие функции выполняет пастор в протестантской общине.

Прежде всего он проповедник. Но и у нас женщина может быть проповедником и учителем (в воскресной школе или в богословском институте, например).

Еще протестантский пастор может быть духовным советчиком, принимающим исповеди людей. Он не дает им «отпущения грехов» (такой практики протестантизм не допускает), а просто является свидетелем человеческого покаяния и советчиком. Что ж — и наши «старницы», духовно опытные монахини несут такое же служение в нашей церковной жизни. Есть такие монахини, к которым за духовными наставлениями ездят даже священники и епископы...

Протестантский пастор организует общинную жизнь своего прихода — но и у нас такой работой вполне могут заниматься женщины. Немалым числом приходо́в реально управляют «матушки»...

А вот чего не бывает у протестантов — ни у женщин, ни у мужчин — никто из них не служит Литургии. Ибо по их учению Литургии как таинства просто не существует, а есть лишь приходской театр, в котором люди разыгрывают евангельские сценки и делятся «воспоминаниями».

Священства в православном понимании у протестантов нет — а потому их пасторы (или, как почему-то говорят русские баптисты -пастора) исполняют несвященнические служения, не таинство-совершительные. И тут и в самом деле не имеет значения пол этого функционера.

В общем, как еще четверть века назад сказал наш Синод о женском священстве протестантов — «Мы не видим оснований для возражений против любого решения этого вопроса в конфессиях, где священство не признается таинством и где, следовательно, с точки зрения Православия, сакраментального священства, как такового, вообще нет»¹.

— *Выходит, православное неприятие женского священства мотивируется только на уровне «символов»?²*

— Нет, не только. Тут есть и «онтология», поскольку речь идет о таинстве, которое совершает Бог, а не только о нашем осмыслении того, что делаем в храме мы. Хотя, впрочем, все равно надо признать, что женское священство в православии отсутствует прежде всего в силу традиции, а не в силу каких-то юридически прописанных норм².

Но, кроме этого, есть еще и несколько психологических мотивов. В женской религиозности есть какая-то парадоксальность.

Есть такая странная церковная алхимия. Берём два компонента: первый — Православие, второй — женщина. Каждый из этих компонентов сам

---

¹Послание Священного Синода о V Ассамблее Всемирного Совета Церквей и ее результатах // Журнал Московской Патриархии. 1976, № 4. С. 9.

²Как раз некоторые протестанты (а именно — баптисты) с присущим им буквализмом находят в Библии именно юридические мотивы для отвержения женского пасторства: «Давайте рассмотрим те качества, которыми должны обладать пастор или епископ, и посмотрим, обладает ли требуемыми качествами женщина. Епископ да будет одной жены муж (1 Тим. 3, 2). Есть ли такое качество у женщины? Может ли женщина быть мужем своей жены?» (Девельт Д. Церковь в Библии. — М., 1994, с. 153).

по себе тёплый, пушистый, хороший. Теперь сливаем их в одну колбочку. Что получаем? Православие + женщина = приходская ведьма. Не всегда, конечно, но все же слишком часто — чтобы этого не замечать¹.

Удивительно, но факт: почему-то женская религиозность более жестока, нежели религиозность мужская.

Вроде бы с именем женщины связаны тепло и ласка, мягкость и заботливость. Но слишком часто приходится замечать, что женская религиозность бывает гораздо более ригористической, жесткой и даже жестокой, чем религиозность мужская. У многих женщин России есть опыт изгнания из храма. Как точно написала об этом опыте публицистка рериховского лагеря Т. Книжник — нередко наши прихожане «реагируют на длину юбки, рукава рубашки и отсутствие платка на голове с чуткостью и непреклонностью, достойной самого исправного турникета в метро». Но — кто же именно работает «турникетом» в наших храмах? Священники ли, бородатые прихожане или, напротив, благочестивые юноши контролируют “форму одежды” входящих женщин? Да нет — свои же товарищи по полу. Знаменитые наши «бабушки»... И даже проповеди священников, призывающие их воздержаться от такого самочиния, зачастую не помогают.

Я просто совершенно уверен, что именно женщина написала дикий «акафист Божией Матери в честь иконы Ея, "Прибавление ума"». Второй икос этого фольклорного творения (увы, растиражированный Мгарским монастырем Полтавской епархии с поддельным благословением Патриарха Алексия) возвещает: «О, Всенепорочная Дево, в Царстве Сына Твоего, иже что нечистое не выйдет за нарушение Заповедей Божиих, люди умом притупляются, да наказаниями вразумляются и будут петь Тебе: Радуйся, грязных женщин, пришедших в храм, обличающая. Радуйся, продолжающим ходить грязными в храм, колдунам и чародеям их портить подвергавши. Радуйся, грязных державших касаться святыни, скорбями и болезнями наказуеши. Радуйся, касаться церковной святыни в эти дни, грех дважды усугубляеши. Радуйся, потерявших страх Божий, забвению их ум придаеши. Радуйся, не ходящим в храм во дни очищения, благодать им сохраняющая. Радуйся, грязным бравшим благословение у священников, благодати им не даеши. Радуйся, священников, касающихся грязных женщин, благодати на несколько

---

¹Говорю это, памятуя о том, что когда-то Златоусту пришлось поплатиться за подобные слова. Он сказал их, правда, не о прихожанках, а о священнослужителях: «Алтарь Церкви полон фурями». На суде эти его слова стали потом одним из доводов обвинения (см. Тьерри А. Святитель Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. Христианское общество Востока. М., 1884, с. 116).

часов лишаеши. Радуйся, священников, не вразумляющих людей, наемниками именуеши. Радуйся, Пресвятая Богородице, прибавление ума»...

Автору сих виршей ум явно не был прибавлен — оттого творение ее равно дико и с точки зрения содержания и с точки зрения соблюдения правил церковно-славянского языка...

Порой приходится слышать, что недавно обратившаяся женщина готова до истощения «запостить» всю свою еще неверующую семью.

А уж сколько там готовности верить самым нелепым домыслам и «басням»! И это — не просто частность. На первых же страницах Библии мы встречаемся с предупреждением о том, что женская религиозность склонна к крайностям. Ева беседует со змием в Эдемском саду, и змий спрашивает, что же Бог запретил людям. Ева отвечает: нам к древу познания добра и зла нельзя прикасаться. Но заповедь-то была другая: не вкушай плода древа познания добра и зла. Ева же вместо «не вкушай» говорит даже «не прикасайся», вместо плода теперь уже запретно все дерево. Ева ужесточает заповедь. Это говорящая деталь. Женская религиозность ищет запреты: нельзя то, нельзя это.

Боюсь, что женское священство стало бы не более добрым, а более жестким.

Женскими устами произнесены и женским пером записаны такие, например, страшилки: «Одна странница видела такой сон: по мосту шли девушки с накрашенными губами и волосами, и все они падали в липкую смолу и погибали»¹.

Еще один пример страстно-эмоционального «богословствования». В женский монастырь приходит письмо от матери четырех детей. Она говорит, что по «вопросу об ИНН-цифровом штрих-коде» разные священники говорят ей разное и просят совета — брать ли «номер» или рискнуть будущим своих детей и остаться без работы... Вот наиболее яркие перлы из ответа сестер («нас всего 20 сестер, все очень молодые, юные девушки»). После описания грядущего антихриста говорится — «Вот что готовит мир... Поэтому нам ничего от этого мира не надо! И все сестры обители так рассуждают. Более того, мы уже начали готовиться страдать, видя как зло набирает силу, как торжествует в мире нечестие, сатанизм. Был в нашем монастыре очень трудный период, когда мы защищали свой храм, чтобы в него не заходили в

---

¹Схимонахиня Анна из храма Рождества Иоанна Предтечи // Новая книга России. 2001, № 3. с. 64.

развратной одежде, накрашенные, полуобнаженные женщины, которые смеялись над христианским благочестием... Модницы просто помогают сатанистам. Прежде всего с современной модой связаны их ритуальные надругательства сатанистов над христианской культурой. Особенно это видно в американской моде, которую финансируют еврейские банкиры. Самое распространенное и давно привычное для всех женщин — крашенные губы и ногти — это символ ритуального кропления жертвенной кровью в секте жидов-хасидов, но от этого отказаться оказывается невероятной трудностью... Если бы только захотели понять и распознать «зверя» не только в ИНН, но во всей современной культуре, которая готовит ЕМУ место в наших душах, делая их мертвыми для принятия Святого Духа... Бог возвеличил русский народ перед всеми другими народами... Народ, который в своей вере, в своем следовании за святыми стоял впереди всех народов — НАРОД-БОГОНОСЕЦ»¹.

Замечу, что ИНН этого монастыря — 2353013199. Значит, «страдания» этих сестер были лишь в том, что они хамили туристкам, которых Бог по Промыслу Своему привел в их храм, а они их оттуда выгоняли... И еще одна немаловажная деталь: при написании слова «Бог» эти юные богословицы обходятся одной заглавной буквой. А вот для антихриста им не жалко целых трех бо-о-ольших буквиц. Похоже, что в своем монастыре они не Христа ищут, не Ему уневечиваются, а от антихриста прячутся — ибо в их помыслах сей персонаж занимает больше места, чем Истинный Жених... Надеюсь, что их фарисейские размышления о превознесенности русского народа (который в большинстве своем как раз и не шел за святыми в советские годы, да и по сю пору лишь пятью или тремя процентами от своей численности участвует в церковной жизни) над всеми остальными не дойдут до Греции... А что касается помады и секты хасидов — то ведь мода на крашенные губы гораздо древнее хасидов (это движение появилось лишь в середине XVIII века и, кстати, вызвало ожесточенное сопротивление раввинов и, как следствие — поддержку правительства России²).

У нас уже есть общественный институт, куда пустили женщин. Я о школе говорю. Чем это кончилось? Мужчины там водиться перестали, школа стала чисто женским институт. Хорошо ли это? Я в этом сильно сомневаюсь. Если появится женское священство, то это будет верный шаг на пути

¹ Арестанты или народ-Богоносец?! (Об ИНН) // Ковчег. Монастырская православная газета. Издание женского монастыря Святой Равноапостольной Марии Магдалины. № 2(19) февраль 2001.

² см. Положение о евреях 1804 года 5,53.

превращения Православия в тоталитарную секту. Задатки к этому у нас и так есть (особенно в современном монашестве). Но добавление женского фактора ещё более это усилит.

Кроме того, не стоит забывать и об особой впечатлительности женщин. Их отзывчивость могла бы сослужить дурную службу, если бы появилось женское священство. Вспомните — как проходит исповедь в приходском храме. Кающийся стоит рядом с священником — и оба они открыты взорам остальных людей. А на исповеди люди, понятно, рассказывают о разном. И грехи бывают действительно грязные и подлые. Нетрудно догадаться, как все это будет отражаться на милом лице отзывчивой и сердечной священницы. Да по ее лицу весь храм будет читать, про что идет речь...

Это не означает, что женское духовничество невозможно. Даже священники и епископы, бывает, ездят за духовным советом и на исповеди в старицам в женские монастыри. Но это именно старицы — люди, в которых все чисто «женское» уже выгорело. А долгий опыт жизни в Церкви и духовной брани остался. Этим опытом они и делятся (понятно, что, не будучи священниками, они не читают молитв на разрешение исповеданных грехов).

Итак, если преодолевается «удобопреклонность» женского начала к эмоционально-неконтролируемым реакциям, если воцаряется трезвость, то голос женщины звучит в Церкви.

Бывают, конечно, и истерики (причем у обоих полов). В качестве примера можно вспомнить книжку З. Ждановой «Сказание о житии блаженной Матроны», публицистику Анны Ильинской, и вроде бы вполне мужские по авторству, но уж больно истеричные публикации «Жизни вечной» и «Русского вестника».

А если проповедь, написанная или произнесенная женщиной, лишена истерики, если в ней нет даже столь естественной позы взирания «сверху вниз», с которой «посвященный» вещает тем, кто еще не дорос до его вершин — то нет оснований к тому, чтобы подводить этот женский труд под строгое понимание слов апостола Павла о молчащей жене.

— Какое положение в древней Церкви занимал институт диаконис?

— Во-первых, это был географически локальный институт. Он был распространён только на востоке. Западная Церковь такого не знала. И свя-

зано это было с тем, что женщины на востоке Римской империи были лишены той свободы, которую имели женщины на западе. Они не покидали своих домов, и соответственно, чтобы их крестить, особенно замужних женщин, нужно было проникнуть в гинекон — женскую половину дома. И, конечно же, право доступа сюда имели только евнухи и женщины. Поэтому на Востоке и появляются диаконисы, которые совершали крещение женщин в домах. Но сегодня нет никакой необходимости в этом институте.

— *Вы сказали об отсутствии в церковном праве норм, унижающих женщину. Но разве мало в церковной литературе, особенно древней, особенно монашеской, весьма негативных высказываний о женщине как о «вместилище греха и скверны»?*

— Да, если рассуждать дальше о “дискриминации” женщины в Церкви, то нечто, что выглядит как принижение женщины, можно найти не в нашем вероучении, но лишь на уровне некоторых книг (в аскетических руководствах для монахов) и некоторых приходских привычек.

Здесь просто надо помнить, что общая особенность всей традиционной литературы во всех культурах, во всех странах, во всех веках состояла в том, что литература (как и политика, и культура) всегда была мужской. До нас почти не дошло свидетельств о духовной жизни и богословской мысли женщин-христианок. Нам известны лишь отдельные изречения так называемых амм (вот у нас мама, а в Египте амма: авва — это отец, а амма — мать). Мы знаем всего несколько их удивительных изречений. В основном же церковная литература прошлого — это литература мужская.

В современной же культуре наконец-то зазвучали те голоса, которые принадлежали прежде «молчащему большинству». В Церкви зазвучал голос женщин. Православная женская богословская мысль рождается только на наших глазах.

И я рад, что именно монастырь, причем укорененный в древнейшей и славнейшей обители Руси — московское подворье Троице-Сергиевой Лавры издает богословские труды женщин (Олеси Николаевой и Ирины Силуяновой).

Я рад этому парадоксу: именно монахи дают возможность зазвучать в Церкви голосу женщин.

Вспомним еще имена серьезнейшего московского философа Пиама Гайденоко и петербургской писательницы и философа Татьяны Горичевой — и станет ясно, что в России оказалось возможным появление женской православной мысли, не вырождающейся при этом в крикливый и натужно-диссидентский «феминизм»¹.

А традиционная монашеская литература — мужская — писалась естественно, “для своих”: старец обращается к своим послушникам. При этом ему хорошо известно, что они не евнухи, что у его юных послушников есть “основной инстинкт”. Естественно, что этот инстинкт у большинства из них ориентирован в нормальную сторону — на девушек. Поэтому старец и говорит: смотрите, уклоняйтесь от общения с молодыми девицами, чтобы не было повода никаким искушениям и мечтаниям.

Одним словом, вполне понятный аскетический принцип. Кстати сказать, присутствующий во всех религиях, где есть аскетическая традиция (в буддизме, например, тоже есть похожие советы).

— *Вы хотите сказать, что и здесь нет никакой дискриминации?*

— Конечно. Более того, если бы до нас дошли письма, написанные старицами женских монастырей, там то же самое было бы сказано по поводу юношей: избегайте встреч с молодыми людьми, чтобы их образ не носить в себе, не встречайтесь с ними и не беседуйте, ибо юноши — это источник греха и вместилище скверны... В аскетических наставлениях речь идет не о том, что женщина хуже мужчины (или наоборот), а о том, что у нормального человека всегда есть эротический интерес к противоположному полу. И если

---

¹Пример «богословствующего» феминизма»: «Особенно показательными специалистки по феминистской теологии считают историю женщины-хананеянки (Мф. 15,21-28), этой "апостольской праматери всех христиан из язычников", которая, добившись, чтобы Иисус исцелил ее дочь, делает тем самым из него целителя язычников. Мало кто обращает внимание на то, что она перевернула узкое представление Иисуса о Боге и стала для него бо-гоучительницей: не место скуловатого хозяина-Бога, наделяющего хлебом насущным только своих детей, она помещает ломящийся от яств, богато накрытый стол Божий, с которого еще и сыплется еда, насыщающая всякую тварь. Из узости богопонимания она выводит Иисуса на простор своего опыта богопознания. Дуалистическое мышление Иисуса в категориях "или — или" она превращает в интегрирующее мышление. Вообще говоря, женщины коренным образом влияли на жизненный путь Иисуса. Без них дело его жизни невысказимо» (Мольтманн-Видель Э. И сотворил Бог мужчину и женщину. Феминистская теология и человеческая идентичность // Вопросы философии. 1991, № 3, с. 101).

задача монашества состоит в том, чтобы взять под контроль этот инстинкт (не отсечь его, а преобразить в любовь ко Христу) то, соответственно, в женских монастырях говорят “будьте осторожны при общении с юношами”; а в мужских — “будьте осторожны при общении с девушками”.

Повторяю, именно в силу того, что литература была мужская, “мужскоязычная”, создалось впечатление, что Церковь что-то имеет против женщин как таковых.

— Но все же сам мужской характер церковной средневековой литературы, о котором Вы сказали, разве не свидетельствует о дискриминации и отлучении женщин от культуры и образования?

— Видите ли, этот факт не был никак юридически оформлен. Речь идет о вкусах, а не о репрессиях. Если сегодня есть спрос на книги Акунина и нет массового запроса на Тредьяковского — это еще не означает дискриминации или гонения на допушкинскую русскую литературу. О том, что запрета на женское литературное творчество не было, свидетельствует хотя бы то, что Церковь приняла в свое Богослужение Рождества и Страстной Седмицы песнопения, написанные в девятом веке монахиней Кассией (и, кстати, отнюдь не анонимные, но подписанные ее, то есть женским именем)¹.

Кстати, с этой Кассией произошел замечательный случай. В 830 году византийский император Феофил выбирал себе невесту. 11 прекраснейший знатных дев были представлены ему. Феофил вошел в зал, держа в руках золотое яблоко, которое он должен был вручить своей избраннице. Подойдя к Кассии, он сказал: «От жены произошло все злое» (намекая на грехопадение Евы). Кассия же быстро отмела богословские инсинуации императора и ответила Феофилу: «От жены же произошло все лучшее» (имея в виду рождество Христа от Марии). Это замечание смутило императора, он отошел от Кассии и подал яблоко Феодоре, которая, таким образом, стала его супругой, а Кассия ушла в монастырь... Такова легенда². А Феофил и в самом деле кончил плохо: он стал еретиком, уничтожавшим иконы.

---

¹См. Монахиня Игнатия. Церковно-песнотворческие труды инокини Кассии // Богословские труды. Сб. 24. М., 1983.

²О причине сомнений в достоверности этого эпизода с яблоком и «конкурсом невест» см. Афиногенов Д. Е. Казачков Ю. А. Легенда о Феофиле: новые разоблачения // Ученые записки Российского Православного Университета. Вып. 5. М., 2000. См. также: Каждан А. П. История византийской литературы (650-850 гг.). Спб., 2002, сс. 404-419.

А что касается «отлучения от образования»... Знаете, я недавно купил одну милую дореволюционную хрестоматию по Средневековью. В ней приводится германский средневековый закон, регламентирующий раздел имущества при разводе супругов: «жене идут все овцы, гуси, лари, пряжа, постели, перины, подушки, кольца, убрусы, псалтири и всякие божественные книги, обычно читаемые женщинами, сундуки, ковры, мягкие сиденья, занавески...». Составители этой хрестоматии обычно приводят только тексты — безо всяких комментариев. И только к этому месту они сочли необходимым сделать пояснение: «В средние века женщины, в общем, грамотнее мужчин»¹.

— *Но нет ли в современной богословской активности женщин противоречия словам Апостола: «жены ваши в церквях да молчат; ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит. Если же хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих; ибо неприлично жене говорить в церкви» (1 Кор. 14,34-35)?*

— Дерзну утверждать, что противоречия здесь все же нет. Во-первых, апостол говорит о Богослужбных собраниях, а не о всей церковной жизни (а вне Литургии голос женщин всегда звучал и слушался в Православии: вспомним советы древней подвижницы матушки Синклитикии).

Во-вторых, здесь, встает вопрос о том, придавал ли сам апостол своему совету характер ситуационно-педагогический, то есть преходящий, или же он видел в нем вечную норму церковной жизни. То, что апостол в обоснование своего совета ссылается на требования «приличия» и еврейского «закона», склоняет скорее к первому варианту.

А вообще это очень интересный пример того, как меняется церковная жизнь. Вроде бы если Апостол нечто сказал — для христиан все должно быть ясно: следуй апостольскому завету. Но все не так просто — ибо этот же апостол сказал о принципе своей проповеди: «С эллинами я был как эллин, с иудеями как иудей». Это означает, что в его проповеди есть момент педагогического приспособления, нежелания по мелочам нарушать социальные нормы той среды, к которой он обращался. Мы знаем, что он, убежденный, что «обрезание — ничто», все же предложил одному из своих учеников принять обрезание — ради того, чтобы тот, этнический грек, смог бы пропо-

¹Средневековье в его памятниках. Антология под ред. Д. Н. Егорова. М., 1913, с. 266. Со ссылкой на Gachsenspiegel, Landrecht I,24.

ведовать Христа евреям (Деян. 16, 1-3). Но следуем ли мы этому примеру апостола? Подвергаются сегодня обрезанию наши монахи, отправляемые на служение в нашу миссию в Иерусалим?

Так вот, слова апостола Павла, запрещающие женщине возвышать глас свой в церковном собрании, понимались как внутрицерковная заповедь в течение девятнадцати столетий. Но к концу XIX века ситуация начала меняться. Сначала женские голоса сменили мальчиков в церковных хорах. Поначалу — «де факто». Затем уже всерьез (кажется, Александр Гречанинов стал первым композитором, который стал писать специально для женских голосов в церковных хорах).

После революции, когда мужчины ушли из храмов, женщины стали исполнять прежде чисто мужские послушания церковных чтецов и даже алтарников.

Особняком стоит дата 1971 года. В этот год впервые в истории Церкви делегатами Поместного Собора стали женщины (даже на архидемократическом Соборе 1917-1918 годов женщин, в том числе и игумений, не было).

В 90-е годы пришла пора религиозной свободы — и отнюдь не все вернулось «на круги своя». Женщины стали проповедовать: писать статьи и книги, издавать и редактировать богословские журналы, вести уроки Закона Божия в церковных и светских школах, богословия в светских университетах (в XIX веке законоучитель это только батюшка). В Тихоновском Богословском институте даже литургику — науку о богослужении — преподает женщина!. И там же уже прошло несколько успешных защит богословских диссертаций женщинами.

Для меня это пример нормального церковного развития: так меняется растущее дерево: без громких деклараций, без искусственного «перспективного планирования». Живое растет просто — «само собой».

На третьем же аргументе, позволяющем полагать, что слова Апостола не относятся к проповедническим опытам современных женщин, стоит остановиться подробнее.

В этом месте своего послания апостол призывает коринфян не увлекаться мистическими экспериментами. Он призывает, чтобы они не поощряли в себе стремление к «глоссолалии», то есть говорению на «незнакомых языках». В общем — это текст, мягко, но ясно направленный против мистического экстремизма, подобного тому, что встречается у современных «пятидесятников» и «харизматов». «Если вся церковь сойдется вместе, и все ста-

нут говорить незнакомыми языками, и войдут к вам незнающие или неверующие: то не скажут ли вам, что вы беснуетесь?» (1 Кор. 14,23). Затем апостол советует не говорить в собрании нескольким людям одновременно — «потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира» (33). И затем — «жены ваши в церквах да молчат» (34). И вывод: «все должно быть благопристойно и чинно» (40).

Мы видим, что совет о молчании жен прозвучал в послании к общине, чьи собрания проходили довольно бурно. Эта община была легка на расколы, на внутренние распри. Не умела она еще и отличать подлинно христианского учения от подделок. Прикоснувшись к чему-то необычайному, она легко впадала в надменность и гордость. Поэтому апостол в у посланиях к коринфянам (всего их было три; до нас дошло лишь два) напоминал им, что путь любви выше, чем путь гностического «знания», дар любви важнее дара «языков», жизнь в любовном единении важнее школьных споров по поводу того, чей учитель «выше».

Теперь представим себе, какой была роль новообращенных (а иных тогда просто не было) женщин в жизни такой общины. Эмоциональные, легковерные, они восторженно восприняли весть о том, что вера в Евангелие освобождает их от тягот иудейского закона. Недавно безмолвные — они стремились утвердиться в своем новом качестве, торопясь оповестить всех окружающих о своих духовных переживаниях.

Сегодня мы видим, что в тех сектах, что возвещают непосредственные и регулярные «контакты с Духом», ведущую роль очень часто играют именно женщины. Елена Блаватская, Елена Рерих, Алиса Бейли, Елена Писарева, Мария Дэви Христос из «Белого Братства», Ольга Асауляк, Людмила Шапошникова, Наталья Бондарчук... В тех оккультно-гностических кружках, которые стояли на границе церковного христианства и язычества, также возвещались идеи и духовные опыты, быстрее пленявшие именно женское сознание. В Коринфе, где христиане еще не научились отличать гностические подделки от апостольской веры, голос женщин, видевших себя в роли «пророчиц», был слишком громок.

Не входя в обсуждение доброкачественности каждого из «голосов» и «пророчеств», апостол Павел призывает сдерживать этот энтузиазм. Его голос — голос трезвого пастыря среди внезапно опьяневших. Никому не вынося строгого и жесткого приговора (чтобы не спровоцировать ответного бунта), он призывает не прикипать сердцем к этим экзотическим состояниям. В таком — кричащем, многоголосом, мистически впечатлительном со-

брании — жена да молчит. Хочет говорить? — Пусть она это делает в спокойной, трезвой обстановке у себя дома.

Не против женщин текст апостола Павла. И не в защиту полового сегрегационизма. Это просто текст в защиту трезвости и рассудительности. Разве не разум велит нам ставить любовь выше экзотических мистических дерзаний: «если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, а не имею любви: то я ничто» (1 Кор. 13,1-2). «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (8).

Так вот — если бы Олеся Николаева, Ирина Силуянова, Татьяна Горичева и Пиама Гайдено вскрикивали на «иных языках», если бы они цеплялись ко всем встречным с предложением немедленно выслушать переданное им прошлой ночью «откровение», если бы они считали себя наделенными неким эзотерическим «знанием», если бы они ощущали себя проводницами неких «пророчеств» — то к ним с самой жесткой интонацией надо было бы обратиться слова Апостола: «Жена в церкви да молчит!».

Но ведь все они — философы. Все они ищут логично, строго, сдержанно, призывая контролировать движения сердец и эмоций доводами науки, логики, богословия. Если бы в том коринфском собрании среди всеобщей опьяненности «иными языками» вдруг встала бы женщина и спокойно сказала: «Братья! не упивайтесь своими «вдохновениями». Самый важный дар духа — это любовь. В сердце нетрезвое, в сердце, опьяненное своими «переживаниями», этот дар не войдет. Поэтому давайте отложим нашу возбужденность и научимся бесстрастно-умной молитве...» — разве осудил бы ее апостол Павел за это выступление?

— А говорят, был церковный собор, который на полном серьезе обсуждал, можно ли считать женщину человеком, есть ли у женщины душа или нет, и большинством только в один голос святые отцы все же приняли решение, что женщина — тоже человек.

— Это масонско-рихтовский миф. Миф поразительной устойчивости. Он был уже у Блаватской (то есть в XIX веке). Его повторяла атеистическая литература в советские времена. Современным оккультистам эта погрешка также дорога. Ни один из антицерковных критиков, упоминавших об

этом соборе, никогда не указывал каких бы то ни было конкретных сведений о нем: когда он состоялся, где, кто был его участником...¹.

Но дело даже не в том, что в книгах по церковной истории упоминания об этом соборе отсутствуют. Когда я слышу о нем — я хочу ответить словами Честертон: «Я могу поверить в невозможное, но не в невероятное. — Это и есть то, что вы называете парадоксом?» — спросил Таррент. — Это то, что я называю здравым смыслом, — ответил священник. — Гораздо естественнее поверить в то, что за пределами нашего разума, чем в то, что не переходит этих пределов, а просто противоречит ему. Если вы скажете мне, что великого Гладстона в его смертный час преследовал призрак Парнела, я предпочту быть агностиком и не скажет ни да, ни нет. Но если вы будете уверять меня, что Гладстон на приеме у королевы Виктории не снял шляпу, похлопал королеву по спине и предложил ей сигару, я буду решительно возражать. Я не скажу, что это невозможно, я скажу, что это невероятно»²

Так вот, такой собор, обсуждающий вопрос о наличии души у женщины, просто невероятен: в Церкви, ежедневно воспевающей Марию, такой вопрос попросту не мог возникнуть. В древности соборы были только у православных и католиков. Но и те и другие слишком почитают Божью Матерь, Деву Марию, и поэтому сама постановка вопроса о том, женщина — человек или нет, оборачивалась мгновенной хулой на Ту, кого сама Церковь возвеличивает как «честнейшую херувим»...

Иногда же антицерковные проделки (подделки) рериховцев более незаметны. Например: «Можно привести достаточно примеров характерных

¹Типичный пример: "Нас заставляют принимать как Откровение и догму решения отцов церкви, серьезно обсуждавших вопрос — сколько духов могут уместиться на конце иглы, или другой такой же перл — имеется ли душа у женщины?" (Письма Елены Рерих 1929-1938. Т. 1, Минск, 1992, с. 162). Кстати, вопрос об ангелах на кончике иглы не так смешон, как кажется церковьборцам. Кончик иглы — это минимум пространства; в пределе это математическая точка. Ангел, согласно средневековому богословию, — существо бестелесное. То есть в пространственном континууме его присутствие можно рассматривать как абсолютный ноль. Следовательно, вопрос о том, сколько ангелов умещается на кончике иглы, в математической точке, есть вопрос о соотношении максимально малой, но все же реальной величины, и нуля. Это начало дифференциального исчисления: может ли величина, бесконечно стремящаяся к нулю, достигнуть своей цели, и в чем различие между нулевым значением и функцией, стремящейся к нулю. Весьма многие научные проблемы, прежде чем они были сформулированы и решены на собственно научном (прежде всего математическом) языке, первоначально формулировались в лоне философии. Вопрос об ангелах и игле — один из таких вопросов. Издеваться над ним — все равно что издеваться над атомизмом Демокрита.

²Честертон Г. К. Проклятие золотого креста. // Избранные произведения в 5 томах. т.2. М., 1994, с. 111.

высказываний отдельных отцов Церкви... Для Климента Александрийского «всякая женщина должна быть подавлена стыдом при мысли, что она — женщина» (Paedagogus. II, 2; P.G. 8, 429). Для Фомы Аквината *corula* (узы брака) всегда связаны с *cum quadam rationis iactura* (некоторой потерей разума) (Summa Theologiae I, sent.2, dist.20, q.1)¹.

В любом суде готов доказать, что г-н «Владимиров», написавший эти строки, сам не читал ни Климента, ни Фому. Чего он привязался к Фоме Аквинскому — непонятно. Сами влюбленные постоянно поют о том, что они «обезумели». Ну Фома и согласился с ними. В чем его вина-то? И супружеское соединение (а именно о нем говорит Фома, а не о регистрации брака и не о решении заключить брачный союз) вряд ли может происходить вполне рационально. Супружеское ложе все же не шахматная доска. Неужто г-н «Владимиров» умеет это делать медленно и печально, с четкой рациональной рефлексией?

А вот с Климентом г-н «Владимиров» (пишу в кавычках, ибо уверен, что это псевдоним) все совсем переврал (но у него алиби: он сам Климента не читал, а просто доверился поверхностному парижскому богослову Павлу Евдокимову²).

Климент уговаривает женщину не упиваться. Он пишет, что женщинам ни к чему терятьс вою красоты и — по их деликатной их природе — не к лицу пьяная отрыжка³. Контекст «Педагога» — «Как ты можешь делать такое — а еще девочка!». Никакого выпада против женщины здесь нет. А они трактуют что неприлична сама природа женщины.

¹ Владимирова А. В поисках православия. Современники. М., 2000, с. 156.

² Евдокимов П. Женщина и спасение мира. Минск, 1999, с.165.

³ «Женщины, помня о своей красоте и об особенной своей обязанности наблюдать приличия, чтобы не растягивать губ, не должны пить из широких кубков, выливая напиток в уста широко раскрытые; пристойнее им пить из алебастровых с узким отверстием кубков, головы при этом назад, однако, не откидывая, шеи не обнажая, что, по моему мнению, неприлично. И рыгать подобно мужчинам или, лучше сказать, подобно рабам — это, значит, изобличать им свою страсть к пресыщению и обнаруживать тем свою неблаговоспитанность. Если уже ни одному разумному мужчине неприлично действие, достойное порицания, то тем менее женщине, которая, помятуя уже свою природу, должна стыдиться. Большая досада, говорит Писание, жена преданная пьянству (Сир. 26, 10), т.е. охмелевшая жена представляет собою гнев как бы Божий. Почему? Потому что она всю непристойность несвойственного ей поведения при этом обнаруживает (Сир. 26, 11)» (Педагог. М., 1996, С. 138).

— *И все же слишком часто сегодня говорят, что христианство унизило женщину, а язычество ее превозносит. Может, все же нет дыма без огня? Не унижает женщину библейская версия о создании женщины из ребра? Как любят шутить мужчины — из единственной кости, не содержащей мозга?*

— Шутка эта, может, и остроумная, только вот к библейским смыслам прямого отношения не имеет. Если внимательно читать первые главы книги Бытия, то нельзя не обратить внимание на то, что мужчина создан из внешнего — из праха земного. Женщина же создана из внутреннего, из сокровенного, она взята от сердца (от ребра). Жена дана только в саду, и не раньше. Женщина — дитя Эдемского сада. Мужчина создан вне сада, но женщина — именно райское создание.

То, что женщина создается из ребра мужчины — это заслон на пути спекуляций на тему о «недочеловечности» женщины¹.

Далее. Когда Адам видит женщину впервые, он произносит очень странные слова: “Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть”.

Эти слова сегодня привычны для нас, поэтому мы не замечаем их странности. А ведь перед нами формула классического матриархата! Мужчина оставляет своих отца и мать и приходит к жене в дом. В последующих культурах ведь было совсем иначе: невеста оставляла дом родителей и приходила под крышу к мужу. Отголоски этого сохраняются до сих пор: если муж переселяется на квартиру к жене, это воспринимается как нечто ненормальное. Библия же изначально предполагает нечто совершенно непривычное для нас: муж прилепляется к жене... Но затем все это изменилось.

---

¹начение рассказа о сотворении жены из ребра св. Феодорит Кирский видит в том, “чтобы тождество естества показать” (Феодорит Кирский. Изъяснение трудных мест Божественного Писания по выбору // Творения. Троице-Сергиева Лавра, 1905, с. 32). «Что касается свойств человеческих, то не иную природу имеет женщина сравнительно с мужчиной... Посему нельзя сказать, что Еврипид очень рассудительно пишет, когда говорит, будто бы “все вообще женщины злее мужчин, если бы и наихудший из мужчин женился даже на самой Добродетели, то и тогда жена его все же была бы злее мужа”» (Климент Александрийский. Строматы 4,8).

— Каким образом? В результате так называемого “грехопадения”?

— Грехопадение не связано со сферой пола в вульгарном понимании: оно не состояло в сексуальном общении между Адамом и Евой, как это часто почему-то предполагается. Церковь никогда ТАК не воспринимала драму грехопадения. Не в этом было их грехопадение, а в том, что люди не поверили Творцу...

Вместе с тем, грехопадение имело прямое влияние на отношения между полами. Мы видим, как последствия грехопадения изменяют изначальный замысел Бога о человеке: “К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобой”, — говорит Бог жене уже после греха. И так, вначале говорится, что муж будет уходить к жене, а кончается рассказ об эдемском саде тем, что теперь жена будет уходить к мужу. Значит, что-то произошло в промежутке.

А в промежутке было то, что жена была одна перед деревом познания. Что там произошло — это долгий разговор и прямо к нашей теме не относящийся, но когда она все-таки вкусила плод с “древа познания”, то вернулась к мужу и предложила ему соучаствовать в этой трапезе. Так почему жена захотела, чтобы муж стал соучастником ее проступка? Мне известны два толкования этого текста.

Иудейско-раввинистическое толкование погружает нас в глубины женской психологии. Согласно этому объяснению, Ева почувствовала, что умирает. И тогда она подумала: “Как же так, вот я умру, а Адам останется жить, и Бог даст ему новую жену, и он будет с нею счастлив, но без меня! Да не будет этого!”¹. Поэтому она решает отравить и Адама. Чтобы понять это раввинистическое сказание, нужно знать, что с иудейской точки зрения Ева — это вторая жена Адама, а не первая. Первой была Лилит (в Библии о ней ни слова). Ева знала, что жена может быть другой — поэтому она идет на такой поступок.

Ну, а православное толкование этого места дает Ефрем Сирийский (святой, живший в IV веке). Он обращает внимание на то, что, когда человек совершает очень серьезный грех, он ощущает приступ радости: “Надо же: я смог! я переступил! я не такой, как прочие”. Приходит леденящая эйфория: когда человек падает, первые секунды своего падения он воспринимает с восторгом... Ужас приходит потом. И вот, когда Ева преступила заповедь, то она

---

¹ Толкование Раши. Цит. по: D. Louis. Le jardin d'Eden. — Paris, 1992, p.110.

как раз почувствовала эту эйфорию, она почувствовала себя богиней. И вот тогда она идет к Адаму, чтобы показать ему свое новое качество: “вот, видишь, я начинала свой славный жизненный путь всего лишь в качестве твоего ребрышка, а сейчас я — богиня. Я возвращаюсь к тебе, чтобы научить тебя жить”. Ева ощущает себя богиней и идет показать свое новое достоинство мужу: “Я теперь стою на этой сцене!”. Жена идет к мужу, “надеясь, что уже божеством вернется к тому, от кого произошла человеком”¹. В женщине пробуждается жажда власти и господства.

Именно этот грех, грех переломанных межчеловеческих отношений, и врачует Бог... Тут опять же важно заметить: Бог не наказывает за преступление, а врачует, исцеляет появившуюся болезнь. Бог не дает бессмысленных наказаний. Вспомним, что слово наказание несет двоякий смысл: наказание как некая дисциплинарная акция, и наказание как наказ, вразумление. Наказуя, Господь вразумляет. Он дает лекарство. Не мстит, но лечит.

Если мы стоим в аптеке, где люди выписывают различные лекарства, то по тому, что они покупают, мы можем понять, что у них болит. Так же и здесь: Господь прописывает лекарство, которое врачует отношения между мужем и женой. Но: если именно сюда прилагается лекарство — значит, именно тут и произошел перелом. Значит, именно межчеловеческие отношения надо врачевать. В них вторглись отношения власти и властной похоти. Господь этот надлом выправляет в другую сторону. Раз жажда господства впервые появилась именно в женщине, то теперь жена ставится в отношении послушания к мужчине. В глазах Бога вообще нередко первые становятся последними, а последние — первыми.

— *А где мы видим, что мужу дается господство над женой?*

— Прежде всего это те строчки, которые я уже упоминал: о влечении жены к мужу и о том, что муж будет господствовать над женой. О том же говорит и другой библейский эпизод: это наречение Адамом имени своей жене. Отныне (и только отныне) она — Ева. Давайте задумаемся: а почему Адам раньше не дает имя жене. Ведь Библия повествует, как он нарекал имена всех животных. Почему же имя жене не было дано сразу после этого? Именно потому, что дать имя — значит проявить верховенство. Но верховенство мужа над женой появляется только после греха. После того, как Бог определяет их новые взаимоотношения. Нет, не забыл муж дать имя жене, и

¹Ефрем Сирин, преп. О рае. // Творения. ч.5. Сергиев Посад. 1912. с.241.

не не успел это сделать до грехопадения, а просто не мог, точнее — не имел права. И поэтому наименование жены — это не просто последнее действие человека в Эдеме, но и первое событие, произошедшее уже после наказания людей Богом.

— Но почему были созданы двое и разные? Как Церковь трактует “разность” мужчины и женщины? И почему не сразу двое?

— Конечно, это можно по-разному толковать. Мне, например, довелось слышать толкование западноберлинских богословок-феминисток, по мнению которых, тот факт, что сначала создан Адам, а потом женщина, означает, что целью творения Божия была женщина; мужчина же — не более, чем полуфабрикат, использованный Богом для создания венца творения...

Но все же, если читать библейский текст посерьезнее, то мы увидим, что перед нами рассказ не только о первой семье, но и о чем-то большем. Вообще, Библия представляет не столько хронику жизни первых людей, сколько икону — осмысление изначальных событий человеческой истории. Это не протокольная запись очевидца и современника, это рассказ о том, что должен знать о себе самом каждый человек.

В каждом из нас живет мужское и женское начало. В той главе Библии, которая описывает грехопадение, нет имен “Адам” или “Ева”, там стоит “га Адам” — это имя существительное с артиклем. Это не имя, а понятие: “Человек как таковой” (артикуль от этого понятия отпадет позже — в Быт. 4,25 — и тогда понятие станет личным именем; вместо “га-Адам” появится просто Адам). И есть жена, у которой тоже еще нет имени. Здесь едины мужское и женское начало, возможно даже в одном и том же существе (не путать с гермафродитами языческих мифов): “когда Бог сотворил человека, мужчину и женщину сотворил их, и нарек им имя: человек” (Быт. 5,1-2). Как видим, “га-адам” (“человек”) — это одно имя на двоих...

Действительно, в каждом человеке есть то, что традиционно считается мужским началом, и то, что считается женским. Разум и чувства. Воля и чувствительность... Муж в повествовании об Эдеме — это разумно-рассудочная часть человеческой души, а с женственностью соответственно связываются чувства.

Почему же человечество двусоставно? Просто библейское повествование с самого начала утверждает, что мир имеет право быть разнообразным. Христианство — это религия плюрализма, а не монизма. Многие индийские философы, например, говорят, что есть только "Единое" — "Непостижимое", "Непознаваемое", "Неизреченное", а все остальное только кажется, но бытием не обладает. Поэтому если какая-то реальность нам кажется отличной от "Единого", то значит наш ум помрачен и загрязнен.

А Библия поясняет: быть не-Богом — это не грех. Быть иным, чем Бог, — это не проклятье. Бог такими нас создал. Он Сам любит разнообразие мира ("И увидел Бог, что это хорошо"). Так и человеческая природа с самого начала оказывается разнообразной, носящей в себе мужское и женское начало.

— И все же многие утверждают, что некоторые устои и традиции в православии нужно менять. Они якобы не подходят сегодня нашему обществу. Допустим, если девушка приходит в церковь в джинсах — это всегда плохо.

— Нет такого человека, который не согласился бы с тем, что в православной церкви что-то надо поменять. Вот только каждый по-разному понимает, что именно надо менять. Один скажет, что надо избавиться от модернистского наследия петровской эпохи и вернуться в московскую Русь, воссоздать литургии на старообрядческий манер, безо всяких там «Литургий» Чайковского. А другой, например рериховец, скажет, что надо отказаться от веры в то, что Христос воскрес, что на самом деле Он просто «разложил Свое тело на атомы»¹.

А отношение к брюкам никак не является устоем православной церкви и православной веры. Это не вероучительная, этикетная форма на сегодняшний день. Но когда-то за этим стояли две серьезные вещи.

Первое. В брюках в старые времена порядочные люди вообще не ходили, ни мужчины ни женщины. Так было в Древнем Риме, так было в Палестине, так было в Византии. Люди ходили в туниках. А в брюках ходили варвары: они были кочевниками, все время верхом на лошадях. И вот чтобы не натирать ноги об лошадь, они обматывали ноги тем, из чего потом получились брюки. Когда по Константинополю шел человек в брюках, то своим

---

¹ "Дух Христа своим приказом разложил свое тело на атомы" (Рерих Е. И. Огненный опыт. // Рерих Е. И. У порога нового мира. — М., 1993, с. 107).

брючным видом он показывал, что он варвар, то есть не христианин, и его не пускали в храм¹.

Когда варвары стали христианами, этот мотив ушел. Но появился другой, связанный с карнавальными переодеваниями, которые когда-то имели религиозный смысл переворачивания всего наизнанку: мужчины в женской одежде, женщины в мужской, мирянин одевается монахом, человек — зверем.

Эти переодевания на Святки или Масляницу были рудиментом очень древних языческих ритуалов встречи Нового Года.

Главная забота древнего человека — забота об уничтожении истории. Человеку архаического мышления тяжело жить в истории как в пространстве уникального поступка уникальной личности. Он чувствует себя надежно, только копируя чей-то поступок, отождествляя себя с героем, который впервые совершил некий акт. То «впервые» оказалось удачным. Значит, если отождествить себя с тем временем и тем героем, можно гарантировать удачу и своего нынешнего проекта. Скажем, полинезийцы, отправляясь с острова на остров, убеждают себя, что это не они плывут, а тот человек, который впервые переплыл океан. Поэтому архаический человек воспринимает историю как экологическую катастрофу.

Новогодние ритуалы у всех архаичных народов — попытка возвращения в точку альфа, когда не было ни меня, ни космоса, когда мы еще не грешили и все было возможно.

Приходит весна, начинается новый жизненный цикл. И хочется все плохое оставить в прошлом, избавиться от груза ошибок, как бы отменить историю, начать все с начала. А началом всего, первой страницей космической истории был хаос. Соответственно, обновление жизни должно придти через погружение неудавшейся жизни, жизни, коррумпированной неудачами и грехами, в первобытный хаос.

Скоморошество, выворачивание всего наизнанку, смена социальных ролей, смешение мужского и женского, молодого и старого, было разрушением социального космоса, устоявшихся социальных ролей, стереотипов, разрушение порядка. А, значит, суматоха масляницы есть путь возвращения к докосмическому хаосу — возвращение на ту строительную площадку, на ко-

---

¹ «Употребление панталон или брасае считалось в Италии галльским и варварским обычаем» (Ф. Гизо. Комментарии // Э. Гиббон. Закат и падение Римской империи т. 1. М., 1997, с. 493).

торой можно еще раз попробовать с нуля построить мир новый и, быть может, лучший. Собственно, «Интернационал» мог бы быть прекрасной святочной или масленичной колядкой: старый мир мы «разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим». Тут поистине «анархия — мать порядка». Поэтому переодевания мужчин в женщин и наоборот — это своего рода языческая форма покаяния, выражение желания жить по другому. Но пришло христианство и принесло иные формы покаянного поведения: изменение не одежд, а сердец. Языческая лучинка на фоне евангельского солнца стала восприниматься не как источник слабенького, но света, а как источник вполне заметного чада...

Церковь очень хорошо понимала этот религиозный подтекст святочных или масленичных праздников. Скоморошество было альтернативой крещения и исповеди, ибо норовило обновить жизнь без покаяния — просто хохмами и переодеваниями...

Память об этом некогда серьезном религиозном языческом подтексте переодеваний повлекла за собой негативное отношение к тому, что женщины надевают мужскую одежду.

И, кстати, нет тут никакой дискриминации именно женщины. Неодобрение «переодеваний» касается всех — независимо от пола. Все мы знаем, что порой приходится выслушивать женщине, если она зашла в храм в «мужских» брюках. Но вы попробуйте представить себе, а что пришлось бы выслушать мужчине, решившему зайти в храм в юбке!¹

---

¹ А вот ответ на аналогичный вопрос украинского священника: «Главный аргумент против женских брюк берут из Библии: "На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий сие" (Втор. 22,5). Все, кажется, просто: всякая женщина в брюках — смертельно грешит. Короче, таким в нашем храме не место. Увы, такое прямолинейное толкование страдает невежеством. Что мы знаем о мужской и женской одежде? Знаем, что в Шотландии национальной одеждой мужчин является юбка. Да и носили ли вообще штаны в том виде, как мы их знаем сейчас, мужчины древней Греции (можете представьте себе статую Зевса в кальсонах)? Это вопрос. Но еще более пикантным этот вопрос становится тогда, когда спрашиваешь непримиримых борцов с женскими штанами — а Ваш сын или муж тоже носит такие вот брюки, как в летних женских костюмах? На что они, к счастью, отвечают гневным и удивленным "НЕТ". Оказывается, не всегда женские брюки являются мужской одеждой. Зачем-то ведь в магазинах оговаривают такую подробность наименования одежды под названием "брюки", как "мужские" или "женские". Вряд ли в здравом уме мужчина оденет те брюки, в которых ходит женщина. Уж он тогда будет явным примером Библейского утверждения о мерзости и нелепости носить мужчинам женскую одежду (и наоборот). Кто не согласен, пусть расскажет, можно ли мужчинам в рукавицах зимой ходить. На том основании, что женщины с удовольствием носят перчатки и считают их частью своего гардероба» (Прот. Виктор Кулыгин. Ответы на насущные

Но духовенство сегодня ходит в «духовном платье»: в одежде, которую светские люди считают типично женской (даже ряса запахивается у нас на левую сторону, а не на правую, как у мужских рубашек). Как всегда при работе с Библией, тут неизбежен вопрос: отчего, на каком основании какие-то ветхозаветные установление мы воспринимаем буквально, а буквально соседние — считаем устаревшими. Напомню, что на той же стрнице Библии, где говорится «На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье», заповедано и следующее: «сделай себе кисточки на четырех углах покрывала твоего, которым ты покрываешься» (Втор., 22, 12). Так что если кто-то будет изгонять из храма девушку в брюках, я бы советовал к этому вышибале подойти с вопросом — «А на Ваших покрывалах в доме есть ли кисточки по углам?».

— А косметика? Ведь всем известно, что женщина без косметики непредставима, а Церковь косметику, мягко говоря, недолюбливает!

— Ну причем тут отношение к косметике и отношение к женщине? С тем же успехом можно сказать, что Церковь унижает мужчин, потому что осуждает алкоголизм!

Но все же давайте разбираться.

Во-первых, в Православии настороженное отношение вообще ко всему, что искусственно (то есть сверхприродно, но не благодатно). Даже электрический свет вместо естественного солнечно-свечного, парафиновые свечи вместо восковых, вазелиновое масло в лампадах вместо оливкового, концертное пение неверующих наемников вместо пения верующих прихожан — все это своего рода «косметика», которая натирает нам душу... Церковным людям очень не нравятся даже усилители в храмах, усиливающие голос священника и звучание хора. Нетерпимы мертвые, искусственные цветы. Не должна звучать в храме магнитофонная запись церковного пения: пусть лучше звучит дряхлый голос старушки, чем лазерная копия какого-нибудь диска патриаршего хора. Все должно быть живым.

Поэтому и косметика церковными людьми воспринимается как некая искусственная маска, штукатурка, налагаемая на лицо.

Во-вторых, храм — не место для лицедейства и лицемерия. Если человек пришел в храм — то к чему пудра и помада? Перед Богом надо стоять «голеньким».

В-третьих, женская косметика во все века была боевым раскрасом женщин, выходящих на тропу охоты на самцов. Но открывать в храме охотничий сезон на мужчин — это как-то не хорошо. К храму лучше отнести как к «заказнику». Это место, где человек может быть просто человеком, а не сексуально зависимым существом. Храм дает свободу от сексуального гнета, от необходимости постоянно с кем-то заигрывать.

Ну вот, вынес я приговор столь же суровый, сколь и справедливый... А теперь начну его смягчать.

Снова во-первых. Во-первых, косметика Евангелием... предписывается: "А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое" (Мф 6,17). Считалось, что красивые волосы — это волосы блестящие, и для этого их смазывали маслом или жиром. Но в устах Христа это не косметический совет. Это совет духовный. Наша вера и так слишком шокирующе отлична от ожиданий мира сего. Поэтому не стоит по мелочам вступать с ним в конфликт. Не стоит слишком уж старательно подчеркивать нашу инаковость: ходить в черных одеждах, застегивать верхнюю пуговицу рубашки, с выражением постоянного благочестивого ужаса короткими межхрамовыми перебежками передвигаться по улицам городов...

Значит: если в твоём окружении принято умеренное пользование косметикой, если оно входит в правила приличия (нормы) в той среде, где живет и работает христианин, — то не стоит нарочито из нее выламываться. Кстати, св. страстотерпица императрица Александра Федоровна косметикой пользовалась...

Во-вторых — мотив «окосмечивания». Да, церковь отрицательно относится к таким изменениям внешности, которые призваны сделать человека более сексуально привлекательным. Но представьте себе обычную школьную учительницу. В школе у нее чисто женский коллектив. Есть один мужик — да и тот одноногий военрук... Ясное дело, не за ним она идет ухаживать и не его идет поражать своим внешним видом. И если эта училка просыпается на полчаса раньше, чтобы помучиться при работе над своим образом — то она делает это отнюдь не ради своего удовольствия и не ради флирта. В ее среде так принято, и она просто не хочет выделяться.

Если мотив такой, то в этом нет греха. Она просто исполняет часть своего профессионального долга — ей нужно «быть в форме». Ничего греховного в этом случае в ее действиях нет.

Что же касается запахов... В древней житийной литературе есть выражение о подвижниках: "уста их дышали постом". От людей высокой духовной жизни, даже если они давно были лишены возможности менять одежду и посещать баню, не исходило неприятных запахов. Так что можно надеяться на то, что если мы станем подражать им, нам тоже не понадобятся ни шампуни, ни зубные пасты. Но если мы еще не в той мере духовного возрастания — то лучше не отпугивать от себя людей.

В итоге у меня три совета на тему об одежде и косметике.

Первый обращен к женщине, которая просто проходит мимо храма. В ее утренних замыслах посещения храма не было. Но вот проходила мимо и в сердце шевельнулось желание зайти. Одежда ее «нецерковная»... Что делать? — Зайти. Если женщина знает, что у нее такая одежда, что может вызвать нареkania прихожанок, и тем не менее заходит на минутку в храм ради молитвы о своих детях — то это своего рода исповедничество и юродство: готовность принять неприятности и оскорбления ради того, чтобы помолиться.

Второй совет к женщине, которая специально идет на службу. Ей я советую одеться «по церковному». Нет, дело не в том, что если на вас будет юбка не того фасона, то Бог вашу молитву не услышит. Просто наше спасение — от наших ближних, от того, какой мы оставляли след в их жизни. Ранили или исцеляли. Открою тайну: молиться трудно. Несколько часов держать свой ум в состоянии постоянной молитвенной сосредоточенности — очень трудно. «Мои мысли — мои скакуны» разбегаются при каждом удобном для них случае. Конечно, человек отвлекается. Конечно, осуждает себя за эти отвлечения. И, конечно, ищет возможности оправдать хотя бы некоторые из них. И так — на всех уровнях. Стоит бабушка, сама себя назначившая старшей дежурной по третьему подсвечнику справа, и всю службу играет в бесконечный пасьянс со свечками. Понимаете, она нашла дело, которым она сублимирует свою немолитвенность. А в алтаре можно вести какую-нибудь бесконечную чистку кадила или неотложный разговор со старостой или с регентом хора. «Отмазки» можно любые найти, но все это будут попытки подменить дело тем, что святой Феофан Затворник называл «приделком». Дело одно, а приделков много.

И тут вы даете нам такой прекрасно-законный повод заняться чем-то другим помимо молитвы. Мы, церковные люди, больны: молитва далеко не всегда идет «в охотку». А в этом случае — «и выхода другого нет: если в душе не лежит Евангелие, то в эту пустоту надо положить Типикон, тем более, что эта книга гораздо больше. И Типикон нужен Церкви. Дело не в нем, а в потере чувства духовной меры: относительности и вечности»¹.

А раз так — то зачем же задирать больных? Зачем давать повод ищущим повода? Зачем помогать входить во грех?

Третий мой совет — к самим прихожанам. Снова представим первую ситуацию: женщина случайно проходила мимо храма и у нее появилась мысль о том, чтобы в него зайти. Но тут уже другая мысль остерегла ее: «ты не так одета! Тебе туда нельзя!». Вопрос: какая из этих мыслей — от Бога, а какая — от лукавого? Кто позвал эту женщину в храм, а кто — отпугнул? Убежден, что мысль о посещении храма была от Господа, а другая, пугливая мыслишка — пришла «слева». Так зачем же нам-то становиться союзниками этого «левого»?

И еще нам очень важно помнить золотую формулу христианской этики: не я терплю — меня терпят. Все мы в церкви только еле терпимы. Никто из нас не хозяин в храме. Домовладыка тут — Господь. Он позвал нас к Себе. Вспомним притчу о званых на царский пир (Мф. 22). Почетные гости не пришли. Царь тогда приказал позвать бомжей. Вот мы и есть эти бомжи. Сажу я, значит, в Грановитой палате, озираюсь и думаю про себя «Скажи кому из наших, где я сегодня оказался — не поверят! Подумать только: вот я — а вот царь... вот царь — а вот он я!». И вдруг нить этих моих сладких рефлексий прерывается. Входит новый гость. Так имею ли я право сказать на при виде его воскликнуть: «Да хтой-то там приперся! Государь, да ты глянь! Это же Гришка с Павелецкого вокзала! Да он же такой козел вонючий! Он мне вчера бычок не оставил! И вообще он павелецкий, их в нашу приличную кампанию брать нельзя, тут все только с Курского!»?

Так что не надо в церкви хозяйничать и изгонять из нее тех, кого позвал сам Владыка.

---

¹Фудель С. И. Священное предание // Собрание сочинений. Т.2. М., 2003, С. 372.

— Можете ли Вы обосновать обязательное ношение длинных юбок и платков православными женщинами?

— В Посланиях апостола Павла сказано, что у жены должна быть покрыта голова как знак власти мужа над нею. Что за этим стоит? В каждой культуре есть свой язык жестов и символов. Даже жесты приветствия разные. Мы с вами кланяемся или целуемся, у светских людей больше принято руки пожимать, в Шумере было принято при приветствии потирать нос. Так вот в культуре Ближнего Востока во времена апостолов плат на голове женщины был знаком её замужнего статуса: не девица носила платок, а замужняя женщина (поэтому, кстати, неверно требовать ношения платка от девочек). Сегодня ни в церковном мире, ни в народной культуре платок уже никак не указывает на семейный и социальный статус. Это фарисейство, когда требуют исполнить обряд, не понимая его смысла, не понимая, говоря языком святых отцов, «в каком разуме» сказал это апостол. Так получается своего рода глоссолалия: слово или действие, не имеющее значения для тех, кто стоит рядом с нами. Апостол же Павел в своих наставлениях на тему женского платка сказал — «Рассудите сами».

Если же мы «рассудили» и уразумели смысл апостольского совета, то следующий вопрос — вопрос о том, в какой форме его лучше донести до современного человека. В сегодняшней культуре тот же самый смысл несёт другой обряд, другой внешний символ. Если бы апостол Павел сегодня писал свои Послания, то на языке современной культуры он написал бы: жёны, носите обручальные кольца, даже когда едете в Сочи.

Впрочем, у апостола Павла при обосновании платка есть очень странный аргумент: он говорит, что женщина должна носить платок ради ангелов. Может быть, это отголосок раввинистического предания, согласно которому ангелы, чье падение упоминается в шестой главе книги Бытия, прельстились именно видом длинных женских волос... Я, конечно, не специалист в ангельской психологии, мне трудно понять, почему ангела будет соблазнять вид женской макушки. С другой стороны, мне трудно понять, о ком мы беспокоимся. Если речь идет о безопасности добрых ангелов, так они точно не падут. А злые уже пали. Свобода ангелов в православном понимании как бы одно-разового пользования: ангел только раз может сделать свой выбор, и этот выбор был сделан ими еще до грехопадения человека.

Впрочем, в третьем веке Климент Александрийский, а позднее блаж. Феофилакт Болгарский под ангелами понимали «праведников Церкви» — чтобы те, видя женскую непокрытость, не впадали в блудные помыслы... Но

разве именно вид женских волос вызывает такую реакцию? Значит, речь идет о покрывале, которое прикрывает собой не только волосы на голове, но и все тело. Да, в апостольском тексте речь идет совсем не о платочке или шляпке. Речь идет о чадре. Там все время употребляется слово «покрывается» — *katakaliptete* — которое имеет оттенок закутываться. И в Византии женщины носили именно чадру¹. У женщины, покинувшей стены своего дома, не должно быть открытых участков тела, которые могли бы провоцировать в мужчинах мысль о «доступности» этой женщины. Как это ни странно, женщина в чадре социально защищена — она всем своим видом показывает, что у нее есть защитник, что она не ищет «приключений». Так что чадра — это одна из мер защиты от сексуальной агрессии². Так разговор о платках вполне естественно переходит в разговор о длинных юбках. Женщины в безрукавке, но в платке — все равно одета небезопасно.

А еще, когда блаж. Феофилакт объясняет, почему мужчина не должен покрывать свою голову или носить длинные волосы, он говорит удивительную вещь — «Тот, кто от Бога создан свободным и самовластным, но сам унижает себя как подчиненного, постыжает Христа, который есть глава его»³. Удивительные слова. Вот только находятся они, увы, в вопиющем противоречии с нашими церковно-государственными привычками: пресмыкательство перед властями, поставление себя в заведомо унижительную позу перед вышестоящим — это неотъемлемая и неизживаемая черта византизма. Слова блаж. Феофилакта великолепно вписались бы в культуру западноевропейского рыцарства; но в восточном христианстве «честь», ее защита и хранение никогда не числились в перечне добродетелей. Во всяком случае никогда на исповеди не задавались людям вопросы: «Не лебезил ли перед начальством? Не льстил ли ему? Не становился ли на колени перед каким-нибудь властным лицом?». Это грехом не считалось и не считается. У нас совет на все времена: «Поцалуй у злодея ручку»⁴. В одной из украинских

¹ Гиббон Э. Закат и падение Римской Империи. т.7. М., 1997, с. 371.

² Кстати, мне доводилось встречать холостых молодых людей, которые с той же самой целью носили обручальные кольца. Это была их мера защиты от домогательств гомосексуалистов...

³ Толкования на Новый Завет блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского. Спб., б.г., С. 463.

⁴ «Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. "Цалуй руку, цалуй руку!" — говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. "Батюшка Петр Андреич!" — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — "Не упрямясь! что тебе стоит? плюнь да поцалуй у злод... (тьфу!) поцалуй у него ручку". Я не шевелился. Пугачев опустил руку, сказав с усмешкою: "Его благородие знать одурел от радости. Подымите его!" — Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии. Жители начали присягать. Они подходили

семинарий был составлен «Катехизис», в котором меня поразило изъяснение слова «лицемерие»: «Лицемер наружные дела благочестия употребляет для приобретения уважения народа». То, что гораздо чаще лицемерят «для приобретения уважения начальства» (буквальное значение греч. слова *ipokrisis*, переведенного как лицемер — под-судный) осталось за скобками...

И еще, конечно, нельзя не заметить, что из строго симметричного текста ап. Павла (в нем запреты даются как женщинам, так и — в зеркально перевернутом виде — мужчинам), православие давно уже сделало исключение для мужчин. Мужчинам разрешено уже носить женские длинные волосы и молиться с покрытой головой (монахи и священнослужители). Зная об этом и будучи сам обладателем довольно длинной косы, я как-то не решаюсь строго требовать от женщин буквального исполнения того совета ап. Павла, который сам нарушаю...

— А как же дискриминация женщины во время месячных?

Простой ответ звучит так: в храме неуместна никакая и ничья кровь. Слишком много крови лилось в храмах до-евангельских времен. Но Кровь Христа прекратила эти потоки ритуальных кровоизлияний. И как сегодня вегетарианцы гордятся тем, что «я никого не ем», так и христиане радуются тому, что наша жертва Богу — умная, словесная, безкровая.

Мясо животных нельзя вносить в храм. Священник с порезанным кровоточащим пальцем не должен входить в алтарь. Если у кого-то в храме пошла кровь из носа — лучше выйти из церкви... Только одна Кровь в храме уместна — Кровь жертвенная. И это Кровь Того, Кому мы молимся и Кто Себя принес в жертву за нас.

Другое дело, что «неуместно» не значит «вредно» или «губительно». Увы, нередко наши прихожане не умеют замечать таких различий и начинают страдать друг друга рассказами про «страшный грех нечистоты, причастность к которому лишает благодати и губит душу» (вспомним вышеупомянутый фольклорный акафист).

Понятно, почему страх перед менструальной кровью живет в фольклоре: он восходит к очень древним языческо-магическим представлениям. Каб-

---

один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу» (Капитанская дочка). Русский мужик Савельич не видит проблемы в этом поцелуе; а вот воспитанный по европейски-джентльменским правилам офицер не может заставить себя согнуться.

бала полагает, что менструальная кровь привлекает множество демонов¹. Она использовалась как необходимый компонент во многих магических рецептах. Если уж и язычество со своей неразборчивостью что-то считает нечистым и демоническим — то христианство тем более не стало оспаривать общенародное убеждение в религиозной негативности менструальной крови, и потому тоже стало сторониться ее.

Библейская позиция в этом вопросе неоднозначна. С одной стороны — ветхозаветные констатации женской нечистоты в женские дни, с другой — евангельское повествование о том, что «кровоточивая жена» коснулась Христа и получила искомое ею исцеление. И в церковной практике: с одной стороны — церковные правила, запрещающие женщине во «дни нечистоты» прикасаться к церковной святыне с другой — если женщина тяжело болеет и умирает и при этом она находится в своем «женском» состоянии, священник совершенно спокойно должен ее причастить высшей Святыней. Также считается и допустимым и необходимым причастить роженицу, если та умирает (хотя обычно ее держали бы вдали от Чаши в течение 40 дней). Интересно, впрочем, что в конце пятнадцатого века испанские инквизиторы, перечисляя признаки, по которым можно найти маррана (еврея, принявшего христианство, но тайно продолжающего следовать религиозным традициям иудаизма) упомянули такой: «если женщины не посещают церквей в течение 40 дней после родов»².

Но опять церковная позиция очевидно меняется — без официальных постановлений и громких дискуссий, «само собой». В епархиальном управле-

¹ «Так мы учили. В час, когда вышний могучий Змей бывает разбужен грехами мира, и соединяется с женщиной, и вводит в нее скверну, — тогда Мужчина отделяется от нее из-за того, что нечиста она и зовется нечистой. И нельзя Мужчине приближаться к ней: горе, если он осквернится ею в то время, когда она нечиста!... 24 вида нечистоты ввел Змей в Женское, когда соединился с ним, в соответствии с численным значением вражды. 24 вида пробудились сверху и 24 — снизу. И отросли волосы, и увеличились ногти, и тогда суды пробудились во всем. И преподано. Когда женщина хочет очиститься, должна она срезать все волосы, которые отросли в дни ее нечистоты и остричь ногти вместе со всей грязью, которая в них. Ибо преподано в тайнах нечистоты. Скверна, которая в ногтях, пробуждает иную скверну. И поэтому их следует надежно укрыть. Ибо учили мы, что 1455 видов зла держится за ту скверну, которую вел могучий Змей, и все они пробуждаются от скверны ногтей. И используя то, что связано с ними, всякий, кто захочет, может наводить порчу на сынов человеческих. И тот, кто уничтожает их, тот как бы увеличивает Милость во вселенной... Если остатки от остатков высшей нечистоты таковы, то тем более — женщина, сочетавшаяся со Змеем и получившая от него скверну, которую он ввел в нее. Горе вселенной, воспринявшей от нее эту скверну!» (Тайна нечистоты. // Раби Шимон. Фрагменты из книги Зогар. — М., 1994, сс. 163-164).

² Цит. по: Еврейская Энциклопедия. Т.8. Спб., 1908, с. 176.

нии не составляют графика явки сотрудниц на работу в зависимости от их физиологических циклов. В регентских и иконописных отделениях семинарий приход «критических дней» также не воспринимается как уважительный повод для пропуска занятий, спевков или служб.

И это — просто потому, что произошла гигиеническая революция. В былые века не было ни душа, ни нижнего белья. Мне одна старушка рассказывала: бывало в ее девические года — поют они на клиросе, так у них ноги буквально к полу прилипают от стекавшей вниз крови... А вообще-то кровавым следам в храме никак не место. Плюс к этому, простите, запах (в четвертом веке преп. Макарий Египетский так перелагал слова пророка Исайи: "И вся праведность ваша — как тряпки женщины в ее месячных"¹).

Итак, с одной стороны, традиционная церковная позиция вполне резонна. Но при этом она не является древнейшей.

«Апостольские постановления» — памятник, дошедший до нас чрез св. Климента Римского, т.е. от третьего столетия — гласит в разделе «Ереси»: «Если же кто наблюдает и исполняет обряды иудейские относительно извержения семени, течения семени во сне, соитий законных (Лев.15.1-30), те пусть скажут нам, перестают ли они в те часы и дни, когда подвергаются чему-либо такому, молиться или касаться Библии, или причащаться Евхаристии? Если скажут, что перестают, то явно, что они не имеют в себе Духа Святого, Который всегда пребывает с верующими; ибо Соломон говорит о праведных, чтобы каждый уготовил себя так, чтобы Он, когда спят они, хранил их, а когда восстают, глагодал с ними (Притч.6,22). В самом деле, если ты, жена, думаешь, что в продолжении семи дней, когда у тебя месячное, не имеешь в себе Духа Святого; то следует, если скончаешься внезапно, то отойдешь не имеющею в себе Духа Святого и дерзновения и надежды на Бога. Но Дух Святой, всеконечно, присущ тебе, потому что Он не ограничен местом, а ты имеешь нужду в молитве, в Евхаристии и в пришествии Святого Духа, как нимало не согрешившая в том. Ибо ни законное совокуп-

¹ преп. Макарий Египетский. Новые духовные беседы. М., 1990, с. 175. Речь идет о следующем Библейском тексте: пред лицом Бога "вся праведность наша — как запачканная одежда" (Ис. 64,6). Слав. перевод: «якоже порт нечистыя вся правда наша». В Септуагинте (греч. переводе книг Ветхого Завета) стоит *gакos арокаqhmenis*. Первое из этих слов означает лохмотья, тряпье; второе — очищающихся, выделяющих, отделенных. Патриарх Сербский Павел: «позже дошло до такой точки зрения, что они не должны приходить в церковь на общую молитву в этом состоянии, а также в продолжении сорока дней после родов и выкидыша. Вероятно, что на такое отношение повлияла и возможность случайным истечением крови осквернить храм, который потребовалось бы освящать. А возможно и из-за запаха, который издает материя очищения при разложении» http://www.rocor.de/Vestnik/20022/html/07_pavel.htm.

ление, ни роды, ни течение кровей, ни течение семени во сне не могут осквернить естество человека или отлучить от него Духа Святого, но одно нечестие и беззаконная деятельность. Итак, если ты, жена, во дни очищения месячного не имеешь в себе, как говоришь, Духа Святого, то ты должна быть исполнена духа нечистого. Ибо когда ты не молишься и не читаешь Библии, то невольно призываешь его к себе; потому что он любит неблагодарных, нерадивых, сонливых, так как сам, по неблагодарности заболев зломыслием, Лишен Богом достоинства, решившись вместо архангела быть Дьяволом. Поэтому воздерживайся, жена, от суетных речей, и всегда помни о Сотворившем тебя, и молись Ему, ибо Он — Господь твой и всего, и поучайся в законах Его, ничего не наблюдая, — ни естественного очищения, ни законного совокупления, ни родов, ни выкидывания, ни порока телесного. Наблюдения эти суть пустые и не имеющие смысла изобретения людей глупых. Ибо ни погребение человека, ни гроб, ни та или другая снедь, ни течение семени во сне не могут осквернить душу человека, но одно нечестии на Бога и беззаконие и несправедливость к ближнему, или чтобы то ни было противное правде Его, прелюбодеяние или любодеяние. Брак почтен и честен, и рождение детей чисто; ибо в добром нет ничего худого. И естественное очищение не мерзко пред Богом, Который премудро устроил, чтобы оно бывало у женщин... Но и по Евангелию, когда кровоточивая прикоснулась к спасительному краю одежды Господа, чтобы выздороветь, Господь не укорил ее и отнюдь не обвинил, напротив, исцелив ее, сказал: вера твоя спасла тебя» (Постановления Святых Апостолов. 6, 27-30).

Новые же условия нашего быта позволяют не уделять слишком много внимания этому вопросу¹.

¹ Занятное эхо этого моего интервью: «Угрозу, висящую над Традицией, почувствовали не только церковники стран ЕС. Письма протеста в Конвент писали даже представители Московского патриархата. Лет через несколько Россия в ЕС неизбежно войдет. И тогда уже Московскому патриархату придется держать ответ за... Да много за что. Ну, например, за то, что женщин в алтарь не пускают, почитая их существами нечистыми. За то, что запрещают женщинам входить в храм во время менструации. А уж это самая неприкрытая дискриминация. Это требование настолько диковатое на современный взгляд, что с ним внутри РПЦ борются даже такие фундаменталисты и ортодоксы, как Андрей Кураев. Читая лекции перед верующими в Магадане, он позволил себе неслыханное вероотступничество (о чем по инстанции было немедленно доложено): сказал, что в свете новых условий жизни женщинам во время критических дней заходить в церковь можно. Ссылался при этом, между прочим, на новые технологии: мол, теперь изобретены столь качественные тампоны и прокладки, что женщина не будет «смущать прихожан в храме кровавыми следами на полу». Дикие нравы — дикие аргументы, но сам факт примечателен: умный и добрый Кураев после этого выступления за свое вольнодумство был немедленно бит другими ортодоксами — неумными и недобрыми, коих в РПЦ большинство. Каково им будет завтра жить по Евростандарту, если они самомаleastших изменений не приемлют?» (Дунаев А.

Сербский патриарх Павел из изучения церковных правил, касающихся этой тематики, сделал вывод, что «месячное очищение женщины не делает ее ритуально, молитвенно нечистой. Эта нечистота только физическая, телесная, равно как и выделения из других органов. Кроме того, поскольку современные гигиенические средства могут эффективно воспрепятствовать тому, чтобы случайным истечением крови сделать храм нечистым, равно как могут и нейтрализовать запах, происходящий от истечения крови, мы считаем, что и с этой стороны нет сомнения, что женщина во время месячного очищения, с необходимой осторожностью и предприняв гигиенические меры, может приходить в церковь, целовать иконы, принимать антидор и освященную воду, равно как и участвовать в пении. Причаститься в этом состоянии, или, некрещенная — креститься, она бы не могла. Но в смертельной болезни может и причаститься, и креститься»¹.

— Ну, хорошо. И все же где женщина — там любовь. Поговорим о ней. Почему Церковь смотрит на брак как на Таинство? В чем его смысл? Почему любовь — искренняя, горячая, чистая — все же будет считаться грехом, если она не освящена церковным ритуалом?

— Таинством является любая семья. Более того, в каком-то смысле половое общение как таковое является таинством (таинством не в церковном смысле благодатного благословения, а в смысле загадочности, непостижимости): здесь двое сливаются в одну плоть, здесь происходит преодоление самозамкнутости и чудо зачатия, рождения новой жизни.

Однако, у слова "таинство" есть и иное, собственно церковное значение: таинство как особое действие Бога через Церковь в мире. Это действие не ограничивается храмом и храмовым обрядом. Благодать Божия содействует укреплению семьи и в те годы, которые следуют за минутами церковного венчания. Поэтому таинством является не только то, что происходит во время венчания, но вся жизнь этой семьи есть таинство брака.

Европа отвернулась от Бога // Огонек 15-21 сент 2003).

¹http://www.rocor.de/Vestnik/20022/html/07_pavel.htm. Кроме того, см на эту тему следующие святоотеческие тексты: Постановления Святых Апостолов. Дидакалия. Кн.6, гл.27-30; Толкование на Четвероевангелие св.Ефрема Сирина, гл.7; св.Афанасия Великого. Послание к Аммуну монаху, пр.1; папа Григорий Великий. Письмо архиепископу англов Августину (приведено в "Церковной истории англов" Бэды Достопочтенного).

Что касается жизни невенчаных супругов, то, если они верны друг другу, Церковь будет укорять их только в том случае, если они осознают себя христианами, но все же так и не пришли к церковному амвону. Для христианина странно предпринимать дело, если он не испросил на него благословения и Божьей помощи. А тем более для такого важного, быть может самого важного дела, которое у него есть на земле — для любви и созидания новой жизни. Поэтому неблагословенное, немолитвенное сожителство христиан нам представляется просто странным.

Если же это люди неверующие (или нецерковным является один из супругов), но они каким-то образом декларировали свои брачные отношения перед людьми, перед государством, то Церковь не осуждает таких людей. Церковь признает реальность всех браков, которые заключаются за ее пределами: Церковь признает и браки светские, и браки, которые заключены были в других религиях (даже вне христианства). Когда в XVIII веке началась проповедь русских миссионеров среди калмыков (бывших тогда наполовину шаманистами, наполовину буддистами), крещение часто принимали целыми деревнями. Перед миссионерами встал вопрос: венчать или нет уже существующие семейные пары после их крещения? Они обратились за разъяснением в Синод. Ответ Синода был: не надо. Они уже муж и жена и перед Богом, и перед людьми¹.

К сожалению сегодня бывает, что некоторые не в меру ревностные и не очень образованные священники говорят прихожанкам: “Если ты с мужем не венчана, то значит ты живешь в полном блуде! Пока не приведешь мужа к венчанию, я тебя причащать не буду”. Но подумайте сами — что выйдет, если жена, исполняя повеление такого священника, будет постоянно давить на своего неверующего супруга: “Идем в храм, давай-давай венчаться!”? Муж-то человек искренне неверующий. И получается, что Церковь, навязывая ему венчание, понуждает его лжесвидетельствовать. Неужели же это верный путь ко Христу? И неужели люди станут ближе ко Христу, если

¹ В 1729 г. “Святейший Правительствующий Синод, слушав присланной с Царицынской заставы копии с доношения обретающегося при калмыцком владельце Петре Тайшине иеромонаха Никодима Линкевича о приемлющих Святое Крещение калмыках, которых-де с 727 и в прошлом 728 году кибиток сорок, все с женами и детьми, а по реестру именами мужска и женска пола 176 человек, в Святом Крещении совершились. То надлежит ли-де венчать после крещения тех, которые супружество имели до крещения, чтобы резолюцию учинить. Приказали: которые калмыки супружество имели до восприятия Святого Крещения и ныне, как мужи, так и жены их, крещение приняли, тем бракосочетаваемого венчания не чинить, но велеть им жить в том супруестве невозбранно” (Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Т. 6, № 2214, с. 315).

придут на вечание и притворятся верующими? Неверие супруга — не повод для разрушения брака.

Впрочем, процитирую «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»: Освящая супружеские союзы молитвой и благословением, Церковь тем не менее признавала действительность брака, заключенного в гражданском порядке, в тех случаях, когда церковный брак был невозможен, и не подвергала супругов каноническим прещением. Такой же практики придерживается в настоящее время Русская Православная Церковь... Лишь с 893 года, согласно 89-й новелле императора Льва VI, свободным лицам было вменено в обязанность заключать брак по церковному обряду, а в 1095 году император Алексей Комнин распространил это правило и на рабов... Священный Синод Русской Православной Церкви 28 декабря 1998 года с сожалением отметил, что "некоторые духовники объявляют незаконным гражданский брак или требуют расторжения брака между супругами, прожившими много лет вместе, но в силу тех или иных обстоятельств не совершившими венчание в храме... Некоторые пастыри-духовники не допускают к причастию лиц, живущих в "невенчанном" браке, отождествляя таковой брак с блудом". В принятом Синодом определении указано: "Настаивая на необходимости церковного брака, напомнить пастырям о том, что Православная Церковь с уважением относится к гражданскому браку"... Упомянутое выше определение Священного Синода также говорит об уважении Церкви "к такому браку, в котором лишь одна из сторон принадлежит к православной вере, в соответствии со словами святого апостола Павла: "Неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим" (1 Кор. 7. 14)". На этот текст Священного Писания ссылались и отцы Трулльского собора, признавшие действительным союз между лицами, которые, "будучи еще в неверии и не быв причтены к стаду православных, сочетались между собою законным браком", если впоследствии один из супругов обратился к вере (правило 72). В соответствии с древними каноническими предписаниями, Церковь и сегодня не освящает венчанием браки, заключенные между православными и нехристианами, одновременно признавая таковые в качестве законных и не считая пребывающих в них находящимися в блудном сожительстве. Исходя из соображений пастырской икономии, Русская Православная Церковь как в прошлом, так и сегодня находит возможным совершение браков православных христиан с католиками, членами Древних Восточных Церквей и протестантами, исповедующими веру в Троидного Бога, при условии благословения брака в Православной Церкви и воспитания детей в православной вере. Указом Святейшего Синода

от 23 июня 1721 года было разрешено на вышеуказанных условиях совершение браков находящихся в Сибири шведских пленников с православными невестами. 18 августа того же года данное решение Синода получило подробное библейское и богословское обоснование в особом Синодальном Послании. На это послание Святейший Синод ссылался и впоследствии при разрешении вопросов о смешанных браках в губерниях, присоединенных от Польши, а также в Финляндии (указы Святейшего Синода от 1803 и 1811 годов). В этих областях, впрочем, дозволялось более свободное определение конфессиональной принадлежности детей (временно такая практика иногда распространялась и на прибалтийские губернии). Наконец, правила о смешанных браках для всей Российской Империи были окончательно закреплены в Уставе духовных консисторий (1883). Примером смешанных браков являлись многие династические бракосочетания, при совершении которых переход неправославной стороны в Православие не был обязательным (за исключением брака наследника Российского престола). Так, преподобному-ченица великая княгиня Елисавета вступила в брак с великим князем Сергием Александровичем, оставаясь членом Евангелическо-Лютеранской Церкви, и лишь позднее, по собственному волеизъявлению, приняла Православие».

— Да, но с другой стороны, тот же апостол Павел, к примеру, призывает “не искать жены”, лучше “оставаться так”, т.е. не жениться и не выходить замуж.

— Для понимания этих слов надо отвлечься от бытового восприятия обстоятельств своей жизни. Здесь фундаментальный нравственный вопрос. По-настоящему нравственное сознание знает, что в мире ценностей есть иерархия. Мир этики не сводится к осознанию конфликта между добром и злом. В мире, который насквозь нравственно выверен, происходит постоянное сопоставление доброго и более доброго, высокого и еще более высокого.

Давайте немного отвлечемся от женской темы и вспомним слова Христа: “Если кто не возненавидит отца своего и мать свою, тот не достоин Меня”. Эти слова вызывают сегодня море возмущения: “Ваш Христос и ваше Евангелие проповедуют разрушение семьи и ненависть!...”

Но остановите на секунду эмоции. Никакой текст нельзя понимать вне контекста. Скажите: Библия в ее целостности — это книга, благословляющая семью и почитание родителей, или же книга, проповедующая разрушение семейных уз? Очевидно, что Библия — это очень семейная книга, в ней

царит подлинный культ брака. Люди, у которых не было детей, считались несчастными и даже проклятыми... И вообще при чтении Библии поражает, что при всем многообразии греховных ситуаций, описанных в ней, при всей ее честности (а в ней описываются грехи и слабости даже святых пророков) — в ней нет ни одной «семейной сцены». Ни одна из страниц библейской истории не повествует о побиении жены мужем.

Значит, если мы не хотим один библейский стих противопоставлять всему Писанию, мы должны найти более серьезное его истолкование.

И теперь вспомните один всем знакомый эпизод. В фильме "Семнадцать мгновений весны" русская "пианистка" Кэт оказывается перед выбором — или она должна пожертвовать своим новорожденным сынишкой, которого нацистский мерзавец морозит на подоконнике, или же предать Штирлица. В сердце Кэт сталкиваются друг с другом два долга: долг материнский и долг офицерский (она ведь офицер Советской Армии). Она понимает, что очень-очень много жизней сейчас зависит от нее. Какую из своих обязанностей она предпочтет исполнить?...

До конца эта сцена в фильме не разворачивается, но в принципе дается понять, что Кэт все-таки предпочитает пожертвовать сыном (природным родством), но исполнить свой гражданский долг. Обратите внимание: фильм был снят в советскую эпоху, но с огромной симпатией и пониманием смотрится и до сих пор, в совершенно иных условиях. И ни тогда, ни сегодня я не встречал ни разговоров, ни публикаций, которые бы возмущались: "А вы понимаете, что проповедует этот фильм? — Ради победы сталинизма он призывает жертвовать детьми! Это же пережиток тоталитарного сознания, это отрицание всякого гуманизма!...". Но не было и нет таких возмущений. Что это означает? — Что по сути у нашего народа (и церковной, и нецерковной его части) есть согласие в восприятии этой сцены. Фильм сделан настолько корректно, тактично, по-человечески убедительно, что все согласилось: "Да. Вот так, наверное, и надо было вести себя в этой ситуации".

Ну, а теперь у меня вопрос: Если в ситуации Кэт нравственно допустимо пожертвовать ребенком ради Штирлица, почему в случае выбора судьбы нельзя пожертвовать семейным покоем ради Христа?

Представим, что с некоторой семьей произошла какая-то религиозная неудача: инерция семейной традиции не допускает обращаться ко Христу.

Но юноша расслышал зов Христа, устремился к очень рискованному будущему, а родители пеленают его порыв, требуют быть "как все".

Что делать? Человек должен решить, кто он прежде всего: "Я — сын своих родителей, я — их отголосок, их плод, или я нечто самостоятельное?". Требование природного родства, природной идентичности вступает в противоречие с самопознанием человека, с попыткой отыскать свой путь. И вот, если отец начинает кричать: "Как ты посмел, мерзавец, пойти в семинарию, когда твой дедушка в армии Буденного воевал, а я член КПСС с 50-го года!" — вот в таких случаях надо сказать: "Пап, я тебя очень люблю. Но чтобы между нами все было хорошо, не убивай, пожалуйста, ту веру, ту любовь, которая родилась сейчас во мне. Любовь ко Христу. А после этого, когда ты отпустишь мое сердце, мы с тобой найдем общий язык".

Человек должен решить, что в нем важнее: его собственное имя, или его отчество и фамилия. Это выбор между прошлым и будущим, между происхождением и призванием¹.

Христианский мыслитель третьего века, свидетель еще традиционно-языческого уклада жизни, Климент Александрийский поясняет смысл слов Хрисат о ненависти к родителям: "Словом мать, которую приходится оставлять ради Христа, обозначено аллегорически отечество и родная стра-

¹ Вот самое пререкаемое место в Евангелии: Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и <не> следует за Мною, тот не достоин Меня (Мф. 10, 37-38). Христианский мыслитель третьего века, свидетель еще традиционно-языческого уклада жизни, Климент Александрийский поясняет смысл этих слов: "Словом мать, которую приходится оставлять ради Христа, обозначено аллегорически отечество и родная страна. Под словом же отец Писание понимает порядки частной жизни, над которыми праведник с благодарением и великодушием должен возвышаться, чтобы стать угодным Богу" (Строматы, IV,4). "Господь вовсе не повелевает проникнуться ненавистью к своему собственному семейству. Господь хочет сказать нам своими словами только это: Не увлекайтесь неразумными пожеланиями и избегайте следовать обычаям общественным, ибо семейство состоит из родных, а города из семейств" (Строматы III,15). Речь идет о том, чтобы быть готовым отказаться от следования общественным предрассудкам (естественно, даже в том случае, если эти предрассудки побуждают родителей воспитывать сына в духе противления Евангелию — а потому «Убежим от обычая: он душит человека» (Климент Александрийский. Увещание к язычникам. 118,1). «Вы состарились в суеверии, молодыми придете к истинному богочитанию» (Там же, 108,3). «Есть также люди, которые говорят: мы соблюдаем все то, что оставили нам отцы наши. Разве те, кому отцы их оставили нищету, не стремятся разбогатеть? А те, кого родители не воспитывали, хотят получить воспитание и выучиться тому, чего не знали отцы их. И почему это дети слепых видят, а дети хромых ходят прямо? Ибо не хорошо человеку следовать за своими предками, жившими дурно Поэтому иследуй, хорошо ли жил твой отец, а если отец твой жил плохо, ты живи хорошо. И оплачь отца своего, что он жил плохо, если плач твой может помочь ему» (Слово Мелитона Философа пред Антонином Кесарем // Раннехристианские апологеты II-IV веков. Переводы и исследования. М., 2000, сс. 148-149).

на. Под словом же отец Писание понимает порядки частной жизни, над которыми праведник с благодарением и великодушием должен возвышаться, чтобы стать угодным Богу” (Строматы, IV,4). “Господь вовсе не повелевает проникнуться ненавистью к своему собственному семейству. Господь хочет сказать нам своими словами только это: Не увлекайтесь неразумными пожеланиями и избегайте следовать обычаям общественным, ибо семейство состоит из родных, а города из семейств” (Строматы III,15). Речь идет о том, чтобы быть готовым отказаться от следования общественным предрассудкам (естественно, даже в том случае, если эти предрассудки побуждают родителей воспитывать сына в духе противления Евангелию — а потому «Убежим от обычая: он душит человека» (Климент Александрийский. Увещание к язычникам. 118,1). «Вы состарились в суеверии, молодыми придете к истинному богопочитанию» (Там же, 108,3). «Есть также люди, которые говорят: мы соблюдаем все то, что оставили нам отцы наши. Разве те, кому отцы их оставили нищету, не стремятся разбогатеть? А те, кого родители не воспитывали, хотят получить воспитание и выучиться тому, чего не знали отцы их. И почему это дети слепых видят, а дети хромых ходят прямо? Ибо не хорошо человеку следовать за своими предками, жившими дурно Поэтому исследуй, хорошо ли жил твой отец, а если отец твой жил плохо, ты живи хорошо. И оплачь отца своего, что он жил плохо, если плач твой может помочь ему» (Слово Мелитона Философа пред Антонином Кесарем)¹.

Так что евангельские слова прежде всего психологически достоверны. Так в человеке воспитывается осознанная иерархия ценностей: “Все мне позволено, но не все полезно”. Или: “Так — это хорошо, но вот так — лучше”...

И слова апостола Павла — о том же. Он благословляет брак, но как бы говорит: “Для тех горячих сердец, которые ищут чего-то большего, ищут всецелого служения духовному возрастанию, всецелого служения людям и Христу, для них я благословляю безбрачие. Но это не для всех: могущий вместити да вместит”. Повторяю, здесь не выбор между “злом” — браком, и “добром” — безбрачием, а просто указание на горизонты роста. Слова апостола непонятны, если не вспомнить притчу Христа о талантах. Для тех, кому много дано — особые советы.

¹Раннехристианские апологеты II-IV веков. Переводы и исследования. М., 2000, сс. 148-149.

— *Значит, все-таки монашество оценивается выше семьи? И ни к чему тогда все эти разговоры о культуре семьи, о Таинстве?*

— В “Настольной книге священнослужителя” — есть такой семитомник, пособие для пастырей — глава о монашестве начинается словами: “Тем, кто на пути веры, нравственного совершенства и любви почувствует себя немогущим преодолеть препятствия похоти плоти, похоти очес и гордости житейской, Церковь предлагает особые средства к победе над страстями. Эти средства состоят в принятии и исполнении обетов, которые в Евангелии предлагаются не как заповеди, но как советы”¹... Вот и судите сами о том, что считается с церковной точки зрения большим подвигом!

Я знаю монахов, которые пошли путем монашества, потому что они почувствовали такой религиозный порыв, что решили не размениваться больше ни на что другое; они взяли тот крест, который им представлялся как самый тяжелый (так Достоевский объясняет уход Алеши Карамазова в монастырь: “Сказано: “Раздай все и иди за Мной”... И Алеша подумал: “Не

---

¹Настольная книга священнослужителя. Т.4. М., 1983, с. 357. О том, что пустынно-монашеская жизнь в церковном предании не безусловно предпочитается жизни христианина в миру, см.: философ Ирон «видев, что жизнь пустынная, отшельническая, удаляющаяся и чуждающаяся общения с людьми, хотя сама по себе важна и высока, даже выше сил человеческих, однако же ограничивается только преуспевающими в оной, отрицается же от общительности и снисходительности — свойств любви, которая, как известно ему было, есть одна из первых достохвальных добродетелей. Сверх того, такая жизнь, как необнаруживающаяся в делах, не может быть поверяема и сравниваема с другими родами жизни. Напротив того, жизнь общественная, проводимая в кругу других, кроме того, что служит испытанием добродетели, и распространяется на многих, и ближе подходит к Божию домостроительству, которое и сотворило все, и связало все узами любви» (св. Григорий Богослов. Слово 25, В похвалу философа Ирона // Творения. Сергиев Посад, 1994, т.1, сс. 360-361). К таким же выводам приходит св. Иоанн Златоуст, сопоставляя жизнь городского священника и монаха-пустынника: «Велик подвиг и велик труд монахов. Но если кто сравнит труды их с священством, хорошо исправляемым, тот найдет между ними такое различие, какое между простолюдином и царем... Я знаю многих из прошедших всю жизнь свою в затворничестве и изнурявших себя постом, которые, пока пребывали в уединении и пеклись только о себе, более и более преуспевали, а когда явились к народу и должны были исправлять невежество людей, тогда одни из них с самого начала оказались неспособными к такому делу, а другие, хотя и продолжали служение (пастырское), но оставив прежнюю строгость жизни, причинили величайший вред себе и не принесли никакой пользы другим... Ни благочестие само по себе, ни глубокая старость не могут делать владеющего ими достойным священства...Если бы кто предложил мне на выбор: где я желал бы заслужить доброе о себе имя, в предстоятельстве ли церковном, или в жизни монашеской, я тысячекратно избрал бы первое» (св. Иоанн Златоуст. Слова о священстве 6,5; 3,15; 6,7).

могу я вместо “всего” отдать лишь пять копеек, а вместо “иди за Мной” ходить лишь к обедне”).

В то же время я знаю монашествующих, которые избрали такой путь по основаниям, как будто противоположным. Например, один мой одноклассник в семинарии. Когда он подал прошение о постриге в монахи, я его спросил: “Почему ты так решил?”. Он ответил: “Просто я знаю себя. Я слабый человек. Я не смогу одновременно служить и семье, и Церкви. А я действительно хочу служить Церкви. Поэтому для меня это более легкий путь. Я его выбираю, так как мне хотелось бы успеть сделать самое главное в жизни”.

Есть люди, для которых путь брака был бы тяжелее, чем путь монашества. А есть люди иного устройства души. Мученическая символика есть и в чинопоследовании венчания, и в монашеской жизни...

И здесь очень важно помнить, что семейная жизнь — это не только медовый месяц. Было бы величайшим обманом думать, что чувство первой влюбленности сохранится на всю жизнь. На смену ему должны придти какие-то иные, намного более глубокие отношения, нежели романтические чувства первых дней.

Путь брака тяжел по самой своей сути, потому что создать семью — это значит пустить другого человека в самую сердцевину своей жизни, жить уже не только ради себя, потерять какую-то автономию. В этом смысле любящая серьезная любовь, тем более брак, сродни самоубийству: человек перестает жить для себя и в себе и начинает жить для другого. Это очень тяжело и очень болезненно. И здесь Церковь честна — поэтому она и говорит о том, что семейный путь по-своему мученический. И при венчании на головы молодых возлагаются именно мученические венцы. И поэтому Церковь, восхищаясь теми людьми, которые вступают в брак, поет им: “Аллилуйя!”.

— Отец Андрей, проблема взаимоотношения полов, пожалуй, одна из самых болезненных тем для Церкви. Христианство сегодня обвиняется в ханжестве, отсталости, нежелании идти в ногу со временем. Так чем же руководствуется Церковь в этих “сексуальных” вопросах?

— По правде говоря, это та тема, о которой я хотел бы в самую последнюю очередь говорить с молодежью. Я считаю подобный разговор с неверующими чем-то в принципе глубоко бесполезным и даже вредным. Все,

что в Православии говорится на эту тему, сказано для тех, кто уже идет по пути Православия. Православие не просто набор положенных формул. Это именно путь.

Бывают такие архитектурные композиции, которые рассчитаны на восприятие движущимся человеком. Есть такие рекламные щиты, которые, когда стоишь рядом с ними, кажутся совершенно уродливыми, но если проезжаешь мимо них на машине, то эта конструкция (сигаретная пачка или пачка стирального порошка) как будто поворачивается следом за тобой. Возникает впечатление ее движения.

Что-то подобное и с Православием. Пока человек стоит на месте, ему не понятно, «зачем все это». И только когда человек начинает двигаться, рождается понимание. А пока человек стоит на месте, пока с его машины свинчены колеса — то что же ему рассказывать о том, как и что может затормозить едущих...

Представьте, что меня командировали вести уроки музыки в школу. Прихожу я к детишкам и говорю: «Дети, сначала мы с вами изучим историю музыки. И знаете ли, история музыки — она очень трагична. Потому что в музыке бывали удивительные достижения, и тогда создавались симфонии, благие созвучия. А бывали неудачи — и рождались какофонии. Так вот, знайте, дети, что когда-то давно, в глубокой древности возникла страшная какофония; она звучит «дзинь-блём-бум». Дети, запомните эти звуки и никогда их не издавайте! А на следующем уроке, через неделю, мы снова встретимся и изучим историю появления другой страшной и древней ереси. Речь пойдет о какофонии «дзям-блям-блям». Да, и вот так потихонечку мы с вами изучим историю всех ересей, а перед каникулами коснемся самой страшной ереси, недавно возникшей какофонии «дзим-блям-барамс». Ну а после каникул, уж так и быть, я дам вам Моцарта послушать».

Что вы тогда скажете о моем педагогическом таланте? Ниже пола, что называется. К сожалению, именно по этому принципу очень часто строится наше общение с молодежными аудиториями: мы приходим к ним только для того, чтобы сказать, чего им нельзя. Высыпать на них мешок запретов и вагон императивов... Вот и создается ощущение, что мы что-то у людей отбираем, не успев им нечто дать. В итоге, как одна актриса недавно заявила в интервью: «Вы знаете, мне так тяжело жить: в этой жизни все, что приятно, или греховно, или портит фигуру».

Если мы сами в нашей проповеди превратили православие в одно большое «низзя» — то что ж мы удивляемся тому, что оказались бесконечно далеки от молодежи, тому, что молодежь идет в секты.

Знаете, была такая замечательная буддистская притча. Некий царь подходит к человеку и говорит: «Я готов подарить тебе все, о чем ты только можешь мечтать: вечную молодость, вечную жизнь, царство, любовь, женщин, богатство — все я тебе дам. Чтобы получить эти бесценные дары, тебе нужно приложить лишь совсем небольшое усилие: я тебе дам вот эту чашу с водой, и эту чашу тебе нужно будет пронести из одного села в другое по этой дороге. Правда, есть несколько дополнительных условий. Первое — за твоей спиной будет идти воин с обнаженным мечом. Второе — если хоть капля воды упадет на землю, воин сразу сносит тебе голову с плеч. Третье — чаша будет полна до краев. И последнее условие — твой путь будет проходить через деревню, в которой в это время будут играть свадьбу». И вот через эту пьяную танцующую деревню, в которой все стараются вовлечь тебя в общий хоровод, надо суметь пронести чашу, не расплескав ее.

Что в этой притче буддистского, нехристианского — понятно: это образ палача, который сразу готов снести голову с плеч, как карма, не знающая снисхождения и милосердия¹. А что здесь близко с христианством — это идея того, что в начале тебе нечто дается: чаша твоего сердца сначала наполняется даром, а потом уж ты постарайся ее не расплескать.

Если обычные языческие религии говорят: «Ты делай то-то и то-то, а потом в награду получишь вот это»; то в Евангелии это отношение труда и дара переворачивается: сначала достигает тебя Царство Божие, а затем уже трудись, чтобы не растерять Его. Святые Отцы называли это «обручение будущих благ», или «задаток», «залог будущих благ».

---

¹Вообще при чтении буддистских джатак поражает несоразмерность наград и наказаний. «Тогда Ананда обратился к Победоносному с такими следами: — Что за греховный поступок совершил этот монах, если родился в облике обезьяны? И Победоносный рассказал Ананде следующее. В давние времена, когда в мир явился будда Кашьяпа, один молодой, недавно обращенный монах увидел, как другой монах перепрыгнул через канаву. — Ты проворен, словно обезьяна, — сказал ему молодой монах. — А знаешь ли ты, кто я? — спросил молодого тот, другой монах. — Почему же не знаю? Ты обычный монах будды Кашьяпы, — ответил молодой монах. — Не насмехайся надо мной! — сказал тот монах. — Я монах не только по названию, я обрел и четыре благих плода монашества. Услышав эти слова, молодой монах так перепугался, что даже волоски на его теле встали дыбом. Он пал на землю и стал просить прощения, полностью раскаявшись. За свое полное раскаяние он не возродился в аду живых существ, но за насмешку над архатом он на протяжении пятисот перерождений всегда рождался обезьяной» (Сутра о глупости и мудрости, 40 // Сутра о мудрости и глупости. М., 1978, с. 268).

В этом и кроется главная трудность религиозной проповеди в отличие от обычного обучения. Здесь есть некоторая принципиальная нетехнологичность: я могу что-то говорить, доказывать, аргументировать, но свой опыт или опыт того святого отца, которого я цитирую, я не могу вложить в сердце своего собеседника. Это обычная непредсказуемость чуда: совершится оно или не совершится?

И в этом уже следующий парадокс Православия — то, что все наши формы религиозной жизни, начиная от богослужебной и кончая канонической, догматической — они создавались людьми, у которых этот опыт был. А мы пробуем эти формы и эти одежды перенести на людей, у которых этого опыта нет. Так как же эти формы могут стать понятными? Мы даем истину как бы навыrost.

Но как часто мы беседуем с человеком, предполагая, что мы ему понятны, и, значит, раз мы что-то сказали — то он просто обязан с нами согласиться. И вот тут мы можем сесть в лужу.

Представьте себе, я захожу в класс к девочкам. Девочки — подростки, им лет уже 12-13. Я к ним захожу и объявляю: «Дети, вы уже большие, давайте сегодня говорить про это. Так, мальчики выйдите из класса, сегодня я только с девочками про это беседую». Оставшись в ополовиненном классе, я начинаю: «Значит, девочки, вы уже знаете, что бывает такое общение мужчины и женщины, что в женщине появляется новая жизнь, она становится беременной». После этого я 20 минут рассказываю девочкам о том, что они будут испытывать во время беременности: тошноту, аллергию и так далее. Затем 20 минут рассказываю о том, что они будут испытывать во время родов. И последние 5 минут, на закуску, — про прелести кормления грудью: маститы, молочница и так далее.

45 минут прошло, звонок, мальчики возвращаются в класс. Чего я добился? Какими глазами девочки на мальчиков посмотрят? Скажут: «Ну, мужики, мы не знали, что вы — такие сволочи! Всё! Близко к нам не приближайтесь!». Понимаете, что произошло? Эти девочки еще не знают, что такое любовь, ни супружеская, ни тем паче — материнская. А я им уже рассказал о том, с какими шипами это может быть связано дальше.

Так очень часто бывает в наших проповедях о христианской жизни. Потому что все правила аскетике, все правила нашего церковного устава — правила жизни беременного человека, беременной души, в которой уже, по слову апостола Павла «не я живу, но живет во мне Христос». И существуют эти правила для того, чтобы выкидыш не произошел. Если в человеке есть

это ощущение, что в его сердце зародилась новая искорка, появилась новая жизнь — тогда ему все понятно.

Ему понятно, почему, например, не надо хохотать... Рациональных аргументов, способных объяснить, почему переедание жванецкими дурно, ведь не найдется. Но можно обратить глаза зрачками внутрь и предложить прислушаться к самоощущению души: подожди, ты вот отхохотал, а душа-то тусклее стала, опустошеннее. Но ведь для этого надо, чтобы было с чем сравнивать!

У человека должно появиться ощущение своей собственной души. Без этого ощущения души Православие останется непонятным.

Иначе — нарушается основной закон педагогики: не отнимай прежде, чем дать. И вот мы слишком часто не успеваем людям «дать» Христа, чтобы человек понял радость жизни во Христе, а уже пробуем что-то из его жизни вырвать. И человек протестует: «Во имя чего вы меня живого приносите в жертву вашим мёртвым правилам?».

Представьте, что православный миссионер пересекает границы Китая. И Китайский пограничник его спрашивает — какова цель его путешествия. Миссионер честно говорит о себе как о миссионере, проповеднике Евангелия. «А в чем суть этой вашей веры, — настаивает пограничник, — что именно ты желаешь возвестить моему народу?».

А в ответ услышит: я хочу возвестить китайцам, что по Апостольским нашим правилам «Взявший в супружество вдову, или отверженную от супружества, или блудницу, или рабыню, или актрису, ни епископом, ни пресвитером, ни диаконом, ни никем в списке священного чина... Имевший в супружестве двух сестер, или племянницу, не может быть в клире... Кто из клира даст себя порукою за кого-либо, да будет извержен».

Глупо с этого начинать проповедь Христа язычникам? Ну столь же неумно и к современным светским детям идти, нагружаясь запретами.

Слишком часто мы предлагаем у людей что-то отнять, не пояснив, что мы им принесли, не объяснив, чем живет христианство (а оно же ведь не запретами живет!). В итоге одна певичка так пояснила трагедию своей жизни: «мне так тяжело жить, потому что в этом мире всё то, что приятно, — или грешно, или портит фигуру». Вот это очень точное восприятие Православия со стороны. Т.е. Православие — это огромное «низ-з-зя», огромный забор, на котором аршинными буквами написано: «ничего нельзя, всё — грех».

То же самое могу пояснить другой притчей. Представьте, что я ношу не рясу, а какой-нибудь серенький китель с погонами. В общем, я — гаишник. Прихожу я к детям в школу и говорю: “Знаете, ребята, вы ни в коем случае не нарушайте правил дорожного движения. Обязательно их выучите: когда и как совершать обгон, как перестраиваться из ряда в ряд и прочее. Все это жизненно важно.”

Естественно, школьники не придадут никакого серьезного значения моим речам. Ведь пока у человека нет своей машины, пока он сам не умеет водить, то рассказывать ему, как вести себя в такой-то дорожной ситуации — занятие довольно-таки бесполезное, а изучение правил им воспринимается как чистейшая зубриловка, как сообщение принципиально бесполезной информации. Ведь не имеющий машины человек просто не знает, к чему эту информацию применить.

Вот я — человек безлошадный¹, и потому мне глубоко все равно, кто кому должен дорогу уступать: шестисотый мерседес «Икарусу», или наоборот. Зачем мне это все? Я одно правило знаю: если я дорогу перехожу, все должны подождать! Батюшка идет, подождите, куда торопитесь?!

Другое дело, если однажды у меня «жигуленок» свой появится. Вот тогда я пойму, что, оказывается, правила дорожного движения написаны не только для того, чтобы гаишники взятки брали. Тогда (но не раньше) я пойму, что на самом деле каждый пункт там кровью написан, кровью и болью человеческой.

Подобно правилам дорожного движения есть и правила религиозной безопасности. И эти правила тоже написаны кровью, написаны судьбами людей. Потому что слишком много было катастроф — много было и удач, но много и катастроф. Вот поэтому эти правила лучше соблюдать, если вы не хотите потерять что-то гораздо более важное, чем минутная эйфория “свободной любви”.

Как-то в Италии гостил я в одном монастыре. Возглавлял его человек, который был католическим священником, потом перешел в Православие. Этот удивительный человек содержит монастырь на зарплату, которую сам получает в качестве преподавателя философии в местной городской школе. И вот однажды я спрашиваю его послушника: «Я не понимаю, почему в монастыре молодежи нет? Ведь батюшка преподает в школе философию. Сам он

---

¹А жаль. Потому что в феврале 2002 года газета «Труд» присвоила мне звание «Герой Труда», а в соответствующем удостоверении сказано, что Звание «Герой Труда» дает право на: бесплатную парковку гужевого транспорта возле здания редакции.

человек талантливый. Преподает хорошо. И ребята тоже замечательные. Я там несколько уроков провел, и видел, что у ребят была очень хорошая реакция. Почему же их не видно в монастыре? У меня такое ощущение, что, если бы я с этими ребятами хотя бы месяц поговорил, так они бы у меня строем сюда в монастырь на службы ходили». И слышу в ответ от этого русского послушника: «Понимаете, отец Андрей, дело в том, что у него все-таки католическое воспитание. То есть — с некоторыми целибатскими комплексами. И поэтому, проведя прекрасный урок с детьми, под конец он обязательно скажет: «Да, дети, и главное — запомните, чтобы на дискотеку — ни шагу!». Дети, конечно, реагируют на эту последнюю фразу, и у них остается в памяти, что Церковь — это те, кто у них все-время что-либо вырывает из рук».

Будем помнить, что мы беседуем о мире души, которая все-таки не технологична. И поэтому прежде, чем вторгаться туда с инструкцией, попробуем дать нашим собеседникам ощущение, для начала, хотя бы самих себя, познакомить их с ними самими: «я не есть одно это тело; во мне живет это странное существо по имени душа, — это то, что болит, когда все тело здорово». У этого незнакомца есть свои потребности и есть свои болячки. И вот для того, чтобы накормить вашу новооткрытую душу и чтобы защитить ее от ее болезней, вот для этого к вам и приходит Церковь. Знаете, Башлачев об этом писал так: «Отпусти мне грехи! Я не помню молитв. Если хочешь — стихами грехи замолю. Но объясни — я люблю оттого, что болит, Или это болит оттого, что люблю?».